

Наталья Романова

ПРОЩАВЕНЦ

Он тот, кто видел тебя в праздничном платье и в маминых трениках, с шикарными локонами и с дудулькой на макушке... он терпел твои циничные шуточки, он видел тебя не накрашенной...

ОН — Продавец ближайшего магазина.

Что делать, если живёшь в восемнадцатиметровой квартире с видом на котлованы, ходишь десять остановок в день, имеешь три работы, и порой спишь не больше трех часов?

Как быть, если у тебя давно не было секса, парень, который нравился, оказался не просто любителем больших сисек, он оказался геем, и ты даже не можешь выпить экстракт в тетра-паке, который отчего-то именуется вином, когда как от него реально сводит зубы, настолько мерзок этот вкус?

Влюбить в себя продавца ближайшего магазина!

Господа присяжные, я признаю себя виновной в попытке покрасить голову самой — это была действительно плохая идея. Но все остальное — стечение обстоятельств и случайностей. Начну по порядку.

Перебрав все возможные варианты приобретения жилья, я остановила свой выбор на просторной квартире с видом на лес, во всяком случае, именно так гласила реклама.

На деле это — восемнадцать квадратных метров с видом на огромные котлованы, где в скором времени вырастут такие же многоквартирные дома. Раньше на их месте был лес, так что реклама не врет. У этой квартиры есть очевидные достоинства — близость к метро, всего каких-то пять автобусных остановок, которые я прохожу пешком дважды в день. И стоимость. Потому что, господа присяжные, я могу ходить пешком пять остановок, но не есть я не могу.

Переехав, я обзавелась не только парой вредных привычек, об этом позже, но и мебелью. У меня есть матрас — большой и удобный, реклама гласила, что он ортопедический. Стол, который является обеденным и рабочим, два стула, на случай, если ко мне придут гости, гость... получается, ведь стул один. И вешалка с маленькой банкеткой в том месте, где предполагается прихожая. Также у меня много красивых коробок из икеи, в которых лежат все мои вещи — их немного. Как и каждой девушке, мне почти всегда нечего надеть.

Каждый вечер я захожу в маленький магазинчик с громким названием «Best». Магазинчик находится в том же доме, где и моя просторная квартира с видом на котлованы, что очень удобно, потому что, господа присяжные, я могу пройти пять остановок пешком, но я не хочу нести пакеты с продуктами все эти остановки.

Иногда я покупаю там молоко или хлеб, иногда вино, потому что нет большего удовольствия, чем налить себе фужер вина и, болтая с кем-нибудь по интернету, потягивать молодое божеле... На самом деле, господа присяжные, чаще всего это порошковая субстанция в тетра-паке, но я уже упоминала о своих вредных привычках, так вот — это одна из них. Поймите правильно, я бы предпочла Божеле Нуво 1998, скажем, но покупка вида на лес оставила мне не слишком большой выбор алкогольной продукции.

На самом деле, вовсе не вино и хлеб привлекали меня в этом магазине, а продавец.

Да, господа присяжные, ведь я уже упоминала о своих вредных привычках. Конечно, ночной продавец — весьма сомнительная деятельность для мужчины, но у меня есть оправдание.

Во-первых, и это самое главное, последний мой приятель испарился больше года назад, откровенно говоря, я не сразу заметила его отсутствие в своей жизни, но формально, формально — у меня был друг, который помогал мне в моей маленькой женской проблемке. Сейчас же эта маленькая проблемка переросла в довольно существенную. А во-вторых, этот продавец чертовски привлекательный. И он флиртует со мной. Хорошо, мы флиртуем. Хорошо, Я флиртую с ним. Продавец остается беспристрастным и красивым, он поворачивается ко мне спиной и идет вдоль прилавка, чтобы взять пакет тетра-пака с винным напитком, при этом его зад выглядит неприлично аппетитно. Понимаете, господа присяжные — неприлично ночным продавцам носить такую задницу! Потом он

возвращается, глядя на меня серыми глазами и держа в руках вино, говорит своим греховно бархатным голосом:

— Покажите ваш паспорт, пожалуйста.

Итак, после очередной безуспешной попытки стрельнуть глазами в продавца я отправилась домой, где и случилось то, что случилось, господа присяжные.

Как я и говорила ранее, пытаться покрасить волосы самой — была не лучшая моя идея, но в рекламах постоянно улыбающиеся девицы легким движением рук преобразуют свою внешность. У меня же сразу процесс не задался, но в итоге, измазав лицо, шею и руки, накрутив на голову полиэтиленовый пакет для мусора, я была готова встретить новый день новым цветом волос. Практически предвкушая свою будущую ослепительную красоту, я решила, что неплохо было бы аккуратненько помыться в душе, чтобы потом не пришлось смывать краску не только с головы, но и с тела. Затянув потуже пакет, я отправилась в душ.

Господа присяжные! Я совсем не громко подпевала музыке, которая лилась из колонок, совсем! И то, что я не услышала, как загудела и сломалась стиральная машина, и из неё начала вытекать вода — это чистая случайность, как и случайность то, что вода побежала из ванной по метровой прихожей прямо в общий коридор, как и тот факт, что я не сразу услышала звонок и стук в дверь — ведь музыка играла совсем, совсем негромко, во всяком случае, из-за грохота стиральной машины и шуршания воды я её почти не слышала. Но я сразу же, господа присяжные, сразу же побежала к входной двери, накинув на себя только лишь полотенце — так я спешила открыть эту дверь! Также тот факт, что пол общего коридора выложен кафельной плиткой — является чистой случайностью. Как и то, что открывая дверь в спешке, поскользнувшись на воде со стиральным порошком, которая вылилась из моей стиральной машины, я упала на пятую точку и прокатилось практически до конца общего коридора, по пути ударившись головой и потеряв полотенце. И самой вопиющей случайностью было то, что прямо посередине искр в моих глазах выплыло лицо ночного продавца и спросило:

— С тобой все нормально?

Господа присяжные, что можно ответить на этот вопрос, когда ты лежишь голая, в луже со стиральным порошком, с мусорным пакетом на голове, из-под которого выглядывают потеки краски? Я так и сказала:

— Все нормально. В смысле отлично.

Лицо наклонилось, всматриваясь в меня, будто узнавая и проговорило:

— Встать можешь?

Я, конечно, могла встать, а также лечь, сесть и сделать все, чего бы прямо сейчас не захотело лицо.

— Ага, — сказала я, когда лицо вдруг стало из горизонтального вертикальным и как-то сверху.

— Это ты звонил? — решила продолжить я светскую беседу.

— Да, у тебя из-под двери вода текла... вот эта... — сказала лицо, странно смотря под ноги.

— Ах, эта, — я небрежно махнула рукой, как бы изображая Айседору Дункан в её небрежном взмахе пальцев.

В такой занимательной и содержательной беседе мы подошли к моей все еще открытой двери, где я, как радушная хозяйка, коей и являюсь, господа присяжные — у меня есть даже стул для гостей — пригласила войти лицо продавца. Лицо, слотнув, вошло... споткнувшись

на пороге, почти упав, ухватившись за меня руками. То, что посередине прихожей стояла пара-другая моей обуви, и в самой прихожей не было света — является чистой случайностью. До этого отсутствие света и обувь никому не мешали, преимущественно мне, потому что ко мне никто не приходил до лица продавца.

Лицо стояло, обхватив меня руками, я слышала, как шуршал пакет у меня на затылке от дыхания лица, и нечто упиралось мне в поясницу... Понимаете, господа присяжные, уже очень давно ничего такого не упиралось в мою поясницу и ни в какие другие части тела тоже, поэтому ведомая случайными инстинктами я потерялась об это нечто.

— У тебя есть лампочка? — спросило лицо, тогда как руки притянули меня еще ближе к себе.

— Нет, — ответила я, потому что, господа присяжные, у меня действительно не было лампочки.

— Это плохо...

— Да, это хорошо, — сказала я, вдавив себя в тело лица продавца.

Дыхание лица участилось, и руки на моем теле сжались, но потом внезапно исчезли! Как и само лицо, что-то быстро проговорив, скрылось за дверью.

Представьте мое состояние, господа присяжные... И что мне оставалось делать? Именно это я и начала делать, прямо в прихожей, сидя на той самой банкетке, которая прилагалась к вешалке на распродаже.

И посередине этого действия, практически в конце, в дверь, в эту ненавистную дверь, которая несколькими минутами раньше поглотила лицо продавца...позвонили. Уже второй за вечер... На этот раз лицо смотрело еще более странно, чем до этого.

Да, господа присяжные, то, что я бываю несколько громкой — тоже случайность. Но я находилась в своей просторной квартире, и не было еще и одиннадцати вечера, так что я не нарушала даже административного кодекса, господа присяжные!

Лицо быстро посмотрело на меня, прошло в комнату, взяло стул для гостей, поставило рядом со мной, забралось на него и вкрутило лампочку.

— Спасибо, — сказала я, решив проявить вежливость, и протянула правую руку.

— Эм... — сказала лицо, — не за что, — продолжая странно смотреть на руку.

— Вообще-то я левша, — решила успокоить я лицо для чего-то.

— О, Боже... — прошептало лицо, — мне правда надо идти, извини, — и вышло, аккуратно закрыв за собой дверь.

Через пару секунд я увидела себя в зеркале. К своему удивлению, я вовсе не была похожа на Айседору Дункан, потому что, господа присяжные, не думаю, что Айседора встречала гостей с мусорным мешком на голове, с потеками краски по всему лбу, с растекшейся тушью под глазами и абсолютно голой!

Теперь, когда вы знаете все, господа присяжные, уверена, вы поймете, почему у меня не оставалось никакого другого выхода, как купить килограмм тротила на черном рынке и взорвать магазинчик «Best» вместе с ночным продавцом! Уверена, вы меня полностью оправдаете, ведь только череда случайностей привела такую разумную женщину, как я, на эту скамью».

Примерно такую речь крутила в своей голове стройная молодая женщина, судорожно собирая свои записи после лекции по макроэкономике, которую она читала у последнего курса вечерников, замещая свою коллегу. Девушка нервно переступала с ноги на ногу,

почесывала носком туфли на высоком причудливом каблуке с тыльной стороны колени, одергивала юбку и горестно вздыхала, нервно пытаясь уместить большую тетрадь в свою и без того переполненную сумку, как услышала за спиной. Бархатное.

— Забыл сказать вчера, красивая татуировка.

Девушка вздрогнула и, повернувшись, как в замедленной съемке, смотрела на лицо ночного продавца с выразительными серыми глазами, правильными чертами лица, возможно немного грубоватыми, но это только добавляло ему привлекательности, русыми волосами, прядь которых сейчас небрежно свисала на лоб, и влажной нижней губой, которую он только что облизал, глядя на неё...

— Но я еще не купила тротил...

В любой, даже самой плохой, ситуации обязательно должно быть что-то хорошее, обязательно. И в том, что я сейчас несу здоровенные пакеты из супермаркета рядом с метро пять автобусных остановок, тоже есть что-то хорошее. Обязательно должно быть!

Во-первых, а это немаловажно, у меня есть эти пакеты, а в пакетах есть продукты, где, помимо необходимого набора, присутствуют разного рода «приятности», такие как сырок «дор-блю», а не «дружба». Все благодаря тому, что в последние два месяца у меня имеется, помимо основной работы, еще две. Я — так называемый фрилансер. Могу работать в любое удобное для меня время, в любом удобном для меня месте. Большая часть людей может только мечтать об этом. Так что, в те дни, когда у меня нет вечерних групп, я даже высыпаюсь.

Во-вторых, хождение пешком пять остановок должно благоприятно сказываться на внешнем виде. Скажем, я просто уверена, что за прошедшие месяцы мои ноги стали стройными, а бедра — упругими. Так что, если по пути еще и поднимать пакеты, то я почти наверняка накачаю себе бицепс или трицепс, или еще что-нибудь... что там есть в руках. И мои руки станут такими же подтянутыми, как ноги. Одним словом, у меня будет две пары ног, как у орангутанга. Может быть, я даже стану самым симпатичным орангутангом нашей современности.

В-третьих, такие прогулки непременно положительно скажутся на моем здоровье, ведь всем давно известен факт, что пешие прогулки оказывают влияние на сердечно-сосудистую систему, вегетативную, нервную и любую другую систему, которая наверняка имеется в моем организме.

В-четвертых, это прекрасная сублимация, когда либидозная энергия превращается в творческую. Конечно, в том, что я прямо сейчас несу большие пакеты пять остановок крайне мало творческого, зато моё либидо в это время крепко спит. Уверена, если делать это довольно часто, на регулярной основе, либидо и вовсе умрет, что было бы совсем неплохо, на самом деле.

В-пятых, вернемся к физическим нагрузкам, я вполне могу, пока тащу эти пакеты (Все же идея с сыром и лишней упаковкой макарон зря пришла мне в голову!) я могу делать упражнения кегеля, ну, чтобы мои мышцы были в тонусе и «там». Хотя о чем это я?

Моим мышцам «там» точно ничего не грозит, собственно, я уже не совсем уверена, что у меня еще осталось это «там».

Хотя один раз я все же попыталась в этом убедиться.

Но вернемся к истокам, собственно к тому, что же привело такую разумную женщину, как я, к такому странному решению — нести пять остановок большие пакеты с продуктами.

В тот день, когда я увидела серые глаза ночного продавца в месте, где совсем не ожидала их увидеть (не то, что бы я не догадывалась, что за пределами магазина продавец где-то бывает, просто шансов, что это будет моя лекция, не так и много...), я выяснила, что обладатель аппетитной задницы и греховно бархатного голоса не только является моим студентом на две недели моего замещения, но и мой соседом, уже не на две недели, а значительно, значительно дольше. Я решила перейти от флирта к решительным действиям. И перешла.

Через день я зашла в магазин в юбке короче обычного и полупрозрачной блузке, которую, конечно же, продемонстрировала, сделав вид, что мне жарко, расстегнув плащ. Естественно, для этого мне пришлось зайти домой, переодеться, а уж потом пойти в магазинчик «Best». Продавец был так же отстранен и дипломатичен, профессионален, я бы сказала. Он вежливо улыбался, пока проводил сканером по продуктам, потом произнес:

— Покажите ваш паспорт, пожалуйста.

Потом:

— С вас пятьсот двадцать три рубля, пожалуйста.

Потом:

— Спасибо, что без сдачи, приходите еще.

Потом, нагнувшись, глядя ровно на меня своими серыми глазами, взглядом, от которого захотелось снять блузку:

— Прости, я не хотел тебя смущать.

Наряды становились откровенней. С завидной регулярностью рассыпалась мелочь, за которой мне приходилось наклоняться и наклоняться, блеск для губ ярче, а шутки все фривольней. После некоторых мое внутреннее воспитание, которое все еще жило где-то в глубинах моего сознания, погребенного под взорвавшимся либидо, отчаянно краснело, но я продолжала наматывать на палец прядь волос и смотреть из-под опущенных ресниц. Пока не пришло время оружия массового поражения — красного кружевного платья с золотистой молнией по всей длине спины и таким же, в тон, туфлям, чья платформа была не меньше каблука, а каблук делал мои ноги почти запредельно длинными. И того самого волшебного пуш-апа, который гарантировано обещает нам дополнительный размер. Откровенно говоря, я не видела особого результата, но когда твой природный размер груди 75А... приходится верить соблазнительной брюнетке из рекламы.

Зайдя небрежной походкой в магазинчик... все, что я взяла — это упаковка презервативов. Со словами «Ох, ну а вдруг он не подумает, а в наш век...». Да! Да! Ревность, по идее, должна была сыграть мне на руку.

Продавец улыбнулся, рассчитал, сказал:

— Спасибо за покупку, приходите еще.

И, повернувшись ко мне той самой аппетитной задницей, стал выставлять товар на полки.

Таким образом, мне пришлось смириться со своим поражением. Мама всегда учила меня проигрывать с достоинством. Подумав, я решила, что и этот раз не должен стать исключением. Тщательно проведя ревизию своих конечностей и остальных частей тела, стоя перед большим зеркалом, найдя себя вполне привлекательной особой, я пришла к выводу, что просто не во вкусе ночного продавца. Я имею ввиду — он ведь видел меня голой, и это было ужасно, на самом деле, учитывая мусорный пакет на голове. Также он видел меня в красном платье и той блузке, которая обычно не оставляет мужчинам шанса. Может, ему нравятся пышногрудые брюнетки? Или высокие блондинки? Я не подходила не под один из этих типов. Да, меня можно было бы назвать блондинкой, если бы не светло карие глаза, которые каким-то образом оттеняли мои светлые волосы, превращая меня в шатенку. И у меня, конечно, не самые длинные ноги. Нет, они не короткие — у меня маленький рост, это правда. Хотя и это неправда, с каких это пор рост 162 см стал считаться маленьким? Это рост Афродиты и Таис Афинской, между прочим. В любом случае, видимо Афродита, коей я не являюсь, не во вкусе продавца.

Я написала речь капитуляции, и если вы думаете, что это просто форма речи, вы ошибаетесь, потому что я действительно написала эту речь, зачитала её перед зеркалом три раза, а на следующий день потратила последние деньги на вибратор. Да. Да.

Моя большая проблема грозила перерасти в очень большую, практически огромную, поэтому по пути домой я зашла в секс-шоп и купила его. Если верить продавцу, то мне досталась технически очень навороченная модель, к тому же «реалистик», то есть по ощущениям он должен быть примерно таким же, как и... правильно — пенис продавца! Не то, что бы я думала, что у пениса продавца есть семь режимов скоростей, но представить продавца во время секса с реалистиком было все же приятней, чем кого-то другого.

Собственно, меня ожидало разочарование еще большее, чем признание себя не пышногрудой брюнеткой.

Нет, конечно, мы с моим новым другом достигли цели, но как-то вяленько. Если бы мой реалистик был моим студентом, я бы поставила ему троечку за старания, добавила бы балл за режимы скоростей, потому что это впечатляет в первую очередь своей бесполезностью — где вы, право слово, видели у мужчины жужжащий пенис с крутящейся головкой?! Но впечатляет — это факт. Возможно, им можно смешивать тесто на блины... вместо миксера. И сняла балл за холодность. Он был, черт возьми, холодный! Да, на ощупь рукой это почти не ощущалось, но основная целевая аудитория этого продукта — вовсе не рука, аудитория сжалась и попыталась забраться глубже от соприкосновения с холодным реалистиком, так что все равно получается не больше троечки.

По всему видно, что «там» мне больше не понадобится, и, скорей всего, я стану первой женщиной, которая умудрилась нарастить обратно свою девственную плеву.

Итак, прекрасно, в поисках позитивных моментов мной были пройдены уже три остановки. По итогам: у меня болели руки, спина и даже ноги, которые к тому же еще и замерзли, потому уже зима. И хотя мои сапоги предполагали наличие какой-то магической мембраны, которая не пропускает влагу, видимо холод она пропускает с великим удовольствием. Так же, как и куртка, если верить тому продавцу на распродаже — мой теплообмен должен сейчас работать в каком-то особом режиме, благодаря, опять же, мембране — пропускает холод. К несчастью, найти позитивные моменты в отмороженных ногах мне удастся крайне редко. Как и в пальцах, которые, кажется, свело от тяжести пакета.

И всему виной магазинчик «Best», его ночной продавец и, конечно же, его аппетитная задница!

Всегда надо придерживаться первоначального плана, и если бы я купила тогда на черном рынке килограмм тротила, меня бы уже оправдали, и мне бы не пришлось тащить все пять остановок тяжелые пакеты.

Собственно, началось все с моего несчастного настроения вчера вечером. Всем известно, что у любой девушки бывает день или два в месяц, когда она ощущает себя исключительно несчастной, так вот — вчера такой день был у меня. Хотя ничто не предвещало, как говорится.

Зайдя, как обычно в магазинчик, уже не утруждая себя флиртом, у меня ведь не вырастет от этого грудь пятого размера, бросив под ноги два ноутбука, потому что у меня две дополнительные работы, и именно вчера мне нужны были два ноутбука, я в задумчивости смотрела на котлеты быстрого приготовления. Все же есть в них что-то подозрительное... и на вид, и на запах, но готовить в этот вечер мне не хотелось совсем, чего не скажешь о желудке, который хотел есть и был согласен на котлеты.

— Чем я могу вам помочь? — спросил продавец, как всегда вежливо и немного отстраненно.

— Вот... а какими котлетами я не отравлюсь? — спросила я. — Не то, чтобы я думала, что они все ядовитые или что-то в этом роде, я вовсе не считаю, что ты подсыпашешь в них крысиный яд, но все же это очень странный продукт, — продолжила я.

— Возьмите эти, — сказал продавец, видимо он был твердо уверен, что в них нет яда, — во всяком случае, я не отравился, — добавил с улыбкой.

Клянусь, его улыбка могла растопить ледники ледовитого океана. Настолько открытой она была, проецировалась прямо на серые глаза и отражалась в их уголках. Мне тут же захотелось съесть эту улыбку даже больше, чем котлеты.

Продавец развернулся ко мне спиной, сделал два шага, и я увидела, что обожаемая мной задница сегодня упакована в низко сидящие джинсы, которые держались на широком кожаном ремне, серая футболка же задралась, а из-под края ремня выглядывала резинка трусов. Обычное дело, раньше мама мне говорила, считалось верхом неприличия, если у человека видно нижнее белье, сейчас же это обыденность. Дело в том, какого цвета была эта резинка. Трех цветов, на самом деле. Голубой. Желтый. Цикламеновый.

Одного ярко голубого цвета уже достаточно, чтобы вызвать интерес и вопросы, но цикламеновый? «Может, это скрытая униформа ночных продавцов», — подумала я, продолжая пялиться на резинку.

— Куда это ты смотришь? — спросил мистер аппетитная задница.

Что можно ответить на этот вопрос? Попытаться увести разговор в сторону, полагаю, самое правильное.

— Твои трусы, они целиком такого цвета? — как смогла, дипломатично ушла я от ответа.

— Аааа, — протянул продавец, при этом облизнул нижнюю губу, — дальше они просто серые, — и дернул вверх край резинки так, чтобы мне стало видно — они действительно просто серые.

Тут же в голове мелькнула мысль, что если попросить показать, что под трусами, он так же быстро согласится? И, чтобы не пялиться совсем уж откровенно, я все же воспитанная женщина, мой взгляд опустился ниже и тут я увидела это. Мое озарение. Мое откровение. Мой апокалипсис — на тот день. Ботинки горчичного цвета из верблюжьей кожи. Мягкие, удобные и стильные. С удобной колодкой, на гибкой подошве из последней коллекции!

В том, что на мужчине была такая обувь, не было ничего особенного. В том, что эта обувь была на ночном продавце — было что-то странное. Нет ничего странного, когда женщина тратит половину своей зарплаты на обувь, я так и делаю, во всяком случае, но чтобы это делал мужчина... Этот мужчина должен быть геем! По всему выходит, что вовсе не отсутствие у меня груди пятого размера оставляло ночного продавца равнодушным к моим прелестям, выставленным на показ, а отсутствие кой-чего другого, и я очень сомневалась, что мой новый жужжащий друг мог бы послужить небольшой компенсацией в таком щепетильном вопросе. Собственно, наличие аппетитной задницы этот вновь открывшийся факт очень даже объяснял.

Итак, купив котлеты, водрузив на место два ноутбука и сумку, я отправилась домой, где меня и нагнало мое несчастное настроение. Сам факт того, что единственный мужчина, с которым мне удавалось пофлиртовать в течение многих месяцев, оказался геем был неутешительным, но мысль о том, как я откровенно пыталась подцепить этого парня, делала

ситуацию и вовсе унижительной.

Я сделала все важные дела, такие как: полировка ногтей, поедание котлет, уборка всех восемнадцати метров жилого пространства. Я даже убрала обувь из прихожей, водрузив её в коробках прямо поверх коробок из икеи, зная, что завтра буду разбирать эту сложную конструкцию, чтобы достать нужные мне вещи, но несчастное настроение никак не уходило. Никак! Более того, я становилась все несчастней. Я даже предприняла попытку медитации, это когда садишься в позу лотоса и закрыв глаза произносишь «ОООООММММММ», чувствуя себя при этом душой. Только я чувствовала себя несчастной душой! У любой девушки бывают такие дни.

Этот — был моим.

Тогда, схватив куртку, нацепив сапоги, прямо в домашних серых штанах с начесом я отправилась в магазин.

— Привет, — сказал продавец, — что-то забыли?

— Да, мне нужно вон то вино...

— Эм, я не могу продать, — расстроено сказал продавец.

— Да брось, — ответила я, — ты знаешь, что мне больше восемнадцати...

— Не в этом дело, — продавец показал глазами на бумажку, на которую я никогда не обращала внимания.

«По указу от такого-то, после такого-то часа алкогольную продукцию не продавать».

Даже какой-то дурацкий указ был против меня! Я живу в восемнадцатиметровой квартире с видом на котлованы, хожу десять остановок в день, у меня три работы, и порой я сплю не больше трех часов в день, у меня не было секса очень давно, парень, который мне нравился, оказался не просто любителем больших сисек, он оказался геем, и я даже не могу выпить этот экстракт в тетра-паке, который отчего-то именуется вином, когда как от него реально сводит зубы, настолько мерзок этот вкус.

Я просто стояла и плакала, пока не развернулась, чтобы пойти домой и может быть даже прыгнуть из окна, потому что жизнь несправедлива, особенно в такие дни.

— Эй, — услышала я бархатное, — мы можем что-нибудь придумать.

— Что? — мне было все равно, что глаза у меня красные, штаны домашние, а на голове невразумительное гнездо, какое это имеет значение, если продавец гей, а я просто хочу выпить. Можете обвинить меня в алкоголизме.

— Мы можем выпить тут, хочешь? — бархатное.

— Аха, — всхлипнула я. У меня не было опыта распития спиртных напитков с ночными продавцами — геями, но думаю, в целом, это не особо отличается от любого другого компаньона.

Продавец протянул мне стул, усадил меня на него, надавив на плечи, потом принес вино, не в тетра-паке, одноразовые стаканчики и даже закуску с салфетками. «Все же геи знают толк в культуре питания», — отметила я.

— Думаю, ты не будешь ничего иметь против этого вина?

— Нет, — буркнула я. Не дожидаясь тоста или что там делают геи перед тем, как выпить, выпила все, что было в стаканчике.

Продавец никак не прокомментировал мою прыть.

— Что случилось? — спросил бархатный.

— Все нормально.

— Поэтому молодая девушка в домашней одежде пьет в малознакомой компании в час

ночи?... Так что случилось?

И я начала с главного!

— Меня зовут Вася.

— Что, прости?

— Вася. Василина, на самом деле, но все называют Вааася, даже мои студенты.

— Ну, я был твоим студентом, помнишь, и я не называл тебя Васей.

— Правда?

— Правда, — еще более бархатно. — Знаешь, очень сложно дать имя ребенку, чтобы он потом был доволен...

Потом я пожаловалась, что верхняя коробка из икеи постоянно падает, особенно ночью, и часто попадает мне по голове, на пять остановок, на то, что я хочу домой к маме, в конце концов, на то, что сегодня ощущаю себя такой жуткой неудачницей... А гей-продавец-аппетитная-задница слушал меня, подливал мне вино и пододвигал свой стул ближе ко мне, от того, что я говорила тихо, по большей части, конечно же.

Все это время в магазинчике играла музыка, там всегда играет музыка, и в какой-то момент, когда началась моя любимая песня, я по привычке, закрыв глаза, стала подпевать.

— Давно танцевала? — спросил продавец.

— Давно, — вздохнула я. На самом деле, мне очень хотелось танцевать, а когда я настолько пьяна, мне танцевать хочется даже больше, чем иным частям моего тела ощутить нечто.

— Я тоже, — сказал продавец и протянул руку.

На мое недоумение:

— Давай потанцуем, просто танец.

«Я никогда до этого не танцевала с геем, но думаю, это не должно сильно отличаться, технически», — подумала я, в то время, как протягивала руку и вставала со стула.

Продавец притянул меня за поясницу к себе, одна его рука обхватывала мою талию, другая прошлась по спине и остановилась на шее, поигрывая краем волос, что было очень странно для гея, но невероятно приятно для меня.

— Эй, — бархатный шепот, — расслабься, это просто танец.

И я расслабилась, на самом деле. Мне было очень хорошо в коконе из рук продавца, мне было тепло, уютно, по моему телу разбегались мурашки, как раз от тех мест, где его руки соприкасались с моим телом, и я чувствовала его дыхание, которое становилось все более интенсивное, я чувствовала, что его руки становились жестче и сильнее прижимали меня к телу продавца. В свою очередь, я практически вжалась в него...пока мои руки поглаживали спину и шею продавца.

— Пожалуйста, я бы очень хотел поцеловать тебя, — услышала я.

— Ты разве не гей? — ответила я, сильнее вдавив себя в тело предполагаемого гея.

— Определенно нет, — услышала я у уха, следом за поцелуем вдоль моей шеи, — пожалуйста? — в тот момент, когда наши губы уже изучали друг друга, причем его были более мягкие, они забирали в свой плен сначала мою нижнюю губу, проведя по ней языком, потом верхнюю, потом, когда наши языки встретились, клянусь, свет померк у меня перед глазами. До этого момента я была уверена, что это не более, чем форма речи, красивая и довольно распространенная, но нет — свет действительно померк, как и звук.

Последнее, что я слышала — свой собственный стон, когда вобрала его язык в себя практически целиком. Открыв глаза, я поняла, что мы уже не танцуем, а я сижу на

деревянном прилавке, обхватив ногами продавца, а одна его рука находилась под моей футболкой, тогда как другая крепко прижимала мой затылок, пока наши языки выделявали какие-то невероятные шутки, пытаюсь сдать сразу на первый взрослый разряд по художественной гимнастике. Я сильнее впечатала себя в продавца, понимая, какое именно место больше всего нуждается в стимуляции, пока не услышала:

— Пожалуйста, Василина, нам надо остановиться.

— Почему? — недоумевала я.

— Боже... мы в общественном месте... и это... в общем... давай остановимся, — в то время, как его руки все еще гладили и гладили меня, а наши дыхания смешивались в коктейль особой крепости, похоже намного крепче, чем вино, которое мы пили до этого.

Этот вечер закончился тем, что продавец проводил меня до квартиры, закрыв магазин, поцеловал еще раз у лифта, уже не так страстно, как я бы хотела, и на прощание я спросила:

— А как тебя зовут?

— Егор, — подмигивая, сказал бархатный голос.

Так у моей мечты на целую ночь появилось имя. До утра.

Утром, а сегодня мне нужно было выйти раньше обычного, я стояла у дверей лифта, когда увидела маленькую девочку рядом со мной. Было довольно странно, что девочка её возраста была одна. Впрочем, точно определить возраст ребенка я не могла, ей было примерно от двух лет до семи, ну... у неё не было с собой портфеля, так что она точно не была школьницей. Определиться с полом было легче, вряд ли мальчика стали бы одевать в красную куртку с рюшами по краю рукавов и сапожки с бабочками. Девочка стояла и недовольно поглядывала на меня, я, в свою очередь — на неё, прикидывая, что же мне теперь делать, ведь если ребенок потерялся, значит нужно что-то делать, я имею в виду? Может надо обратиться в полицию или органы опеки и попечительства, наверное, есть такие органы... я по телевизору видела. Как услышала бархатное.

— Вааааа, не заходи в лифт.

В этот момент я попала в кадры замедленной киноплёнки, потому что прямо на меня двигались горчиные ботинки, следом за ботинками вышли самые длинные ноги, которые я когда-либо видела, клянусь, сама Наоми Кэмпбел умерла бы от зависти, глядя на эти ноги, которые начинались сразу под краем малюсенького халатика, который формально, только формально, прикрывал задницу обладательницы этих ног. Если взять два моих роста — получатся такие ноги! Одно это уже достаточно печально.

Ноги дошли до остановившихся горчиных ботинок из верблюжьей кожи, подставили щеку под поцелуй, предварительно картинно надув её, потом взлохматили волосы ночного продавца и продефилировали в квартиру, потому что такие ноги не ходят, такие ноги дефилируют. Серые глаза остановились рядом со мной и молча смотрели на меня, пока я смотрела на ботинки, иногда на его, иногда на свои, пока не приехал лифт, и мы втроем не зашли в него.

— Папа, папаааа, пааааап, — услышала я снизу.

— Что, детка? — спросил бархатный, причем я не была уверена, кому он это говорит. Потому что смотрел он в это время на меня.

— Я нарисовала письмо Деду Морозу!

— Очень хорошо...

— Ты думаешь, он подарит мне Пегаса?

— Конечно, детка, ты же попросила.

— Живого?

— Конечно, живого, — продолжал бархатный голос, все еще глядя на меня.

И знаете, что? Я просто выскочила на ближайшем остановившимся этаже, потому что... знаете, как называется женатый человек, который целуется ночью с другой, а утром обещает своему ребенку живого Пегаса? Живого! Ради Бога! Нет, не гей. Он — ***рас!

Потом, когда я бежала вдоль большой парковки дома, рядом со мной остановилась машина, это была шкода «Октавия тур», конечно, это не Мерседес или БМВ, но на литых дисках и с кожаным салоном, она не стоила столько, сколько может себе позволить ночной продавец, и оттуда вышел этот самый продавец, со словами:

— Послушай, это не то, что ты подумала... могла подумать.

— Ты понятия не имеешь, о чем я подумала.

— Имею... Василина, послушай меня, это сложно, можно мы подвезем тебя, и я объясню.

В это время открылось заднее окно, и маленькое личико в яркой шапочке сказало:

— Пааап!

А другие машины, выезжающие с парковки, стали сигналить, и я убежала в другую сторону. И пошла свои пять остановок немного другим маршрутом, по пути ища что-то хорошее даже в этой плохой ситуации.

Придя домой, донеся, наконец, свои пакеты, чувствуя себя уставшей и абсолютно несчастной — просто день такой, ведь в каждом месяце бывает такой день, я отправилась сначала в горячий душ, все же женщина должна ходить в шубе, а не в какой-то сомнительной мембране и, напялив пижаму, принялась медитировать — это когда ты садишься в позу лотоса и произносишь «Ооооооооооомммм», услышала звонок в дверь.

Открыла, конечно, меня учили, что надо спрашивать, но я просто открыла, за дверями — ночной продавец.

— Ты с ума сошел! — подпрыгнула я, еще не хватало мне разборок с его женой! Уверена, одной её ногой можно меня убить, а взглядом уничтожить. Достаточно унижительно уже то, что я настолько долго строила глазки женатому мужчине, женатому на очень красивой женщине, между прочим! И хотя мне было обидно, что такой лакомый кусок, как продавец-аппетитная-задница, уже достался кому-то, я не могла отрицать очевидного — женщина, подставившая щеку для поцелуя, была чертовски красива, с чертовски длинными, стройными ногами. — Иди отсюда! Хочешь, чтобы тебя жена увидела?

— Послушай,пусти меня... пожалуйста.

Я уже было собиралась захлопнуть дверь, но горчичный ботинок помешал. Когда весь продавец зашел ко мне, он с минуту молчал, как и я. Ну, это же не я оказалась женатиком, целующимся из чувства жалости с каким-то недомерком... а как еще можно себя ощущать рядом с его женой?! В этот момент приступ жалости к себе накрыл меня с головой, и я заплакала, хуже ведь уже не будет. Ситуация и без того противная, так что... одним позором больше, одним меньше.

В конце концов я та-а-а-к несчастна, и я в своей просторной квартире, и нет еще даже одиннадцати вечера, так что я могу плакать даже навзрыд. Громко. У любой девушки бывает такой день.

— Послушай...

— Ты врал!

— Нет... я не сказал... но я не врал...

— Ты врал! Как ты можешь обещать ребенку живого Пегаса? Ради Бога! Живого?! В такой квартире? Да у него размах крыльев, наверное, метров десять... а что он будет есть? И как ты собираешься его выгуливать, ведь он не поместится в окно! Разве можно обещать ребенку невыполнимые вещи? Ты врал. Самый настоящий врал.

— Эм... не бывает живых Пегасов, Василина.

— Как это не бывает? Ты с ума сошел! Бывает! — плакала я, а может даже топала ногами, потому что... что он может понимать в Пегасах, этот врал на шkode. У него даже машина женатика. У него жена. Ребенок. И сомнительная работа. А по ночам он из жалости тискает таких отчаявшихся дур, как.

— Василина, хорошо, бывают Пегасы и эти... единороги... Пожалуйста, не плачь, пожалуйста, — и он говорит своё «пожалуйста» так вкрадчиво, так бархатно, так нежно, что я не замечаю, как оказываюсь на единственной поверхности в моей квартире, на которой можно сидеть, моем матрасе, реклама гласила, что он ортопедический.

Пока он не взял мое лицо в руки и глядя на меня произнес:

— Выслушаешь меня?

Мне все равно, я не хочу отпускать его руки...

— Василина, у меня есть ребенок.

— Да!.. Ты!... Что!...

— Да... у меня есть дочка, ей четыре года... но у меня нет жены... я, в некотором роде, отец-одиночка.

— В каком это роде? Егор? В каком таком роде? Мужчина не может быть отцом-одиночкой. Он не может родить ребенка для себя... или как там это делается, — и я все говорю и говорю, пока жуткая догадка не посещает меня. — Боже! — вырывается у меня, — твоя жена... она..?

— Что она?

— Она умерла?

— Да нет... Жива, здорова была, когда мы последний раз виделись.

Ну, хорошо, мы выяснили, что он не женат, что у него есть ребенок, но те длинные ноги ведь не спишешь со счетов, я не хочу задавать этот вопрос, вполне очевидно, что может женщина делать в квартире мужчины, выходя поутру в таком халате.

— Та девушка, что вышла утром, моя сестра, она сидит с Васькой, пока я работаю или учусь.

— Васькой?

— Дочку зовут Василиса, почти как тебя... Послушай, я пришел не для того, чтобы оправдать себя, а для того, чтобы ты не думала, что ты недостойна нормальных отношений, чтобы ты не думала, что поцелуи с женатым — твой удел, потому что это неправильно.

— Ну... я вроде как знаю свой удел.

— Наверное... только ты расстроилась, и я это видел. Я тебе расскажу и пойду. Моя сестра, как ты видела, она красивая, она младше меня на год, у неё был период, когда она хотела стать моделью, там она познакомилась с Аленой... а потом познакомила нас. В общем... мы были не слишком аккуратны, и появилась Василиса, потом Алена захотела продолжить карьеру, да и вообще семейная жизнь оказалось не для неё... она была слишком молодой, на самом деле, как и я... После развода мы поделили имущество поровну: мне ребенка, а ей машину, что было, в общем-то, справедливо, ведь машину она заработала... Потом ей предложили долгосрочный контракт за границей, так что она написала отказ от

Василисы, доверенность на машину, а я, пожив три месяца с родителями, купил квартиру в этом доме, двухкомнатная по цене однокомнатной, — ухмыльнулся Егор, — а магазин — он мой, там дальше, в следующем доме точно такой же — сестры. Мы хотим открыть еще пару, но, на самом деле, дела обстоят так, что даже ночного продавца нам нанять сложно. Я всем говорю, что так удобней, и мне хватает время на ребенка, только нифига его не хватает. Днем она в садике, а вечером я учусь, кстати, часто пропускаю лекции, ты это знаешь... ночью же я на работе. Я её почти не вижу. Так что, как видишь, я еще больший неудачник, чем ты, Василина.

В это время зазвенел телефон и, пока я думала, не прыгнуть ли мне прямо сейчас на моего продавца, вдруг оказавшегося не геем и не женатиком, и даже та умопомрачительная красотка — всего лишь его сестра, я услышала:

— Василина, мне действительно надо идти, прости, — встав, уже в дверях, — знаешь, тебе совсем не обязательно нести такие тяжести пять остановок, я могу написать тебе график своей работы, приходи не в мою смену... — и аккуратно вышел за дверь.

Любую новость нужно переспать. Я пересыпала новость, что у ночного-продавца-негея-не-женатика-аппетитная-задница есть ребенок, больше двух недель. Семнадцать ночей, если быть точной. За это время мной был опробован реалистик — три раза, с прежним результатом — три. Верхняя коробка упала на мою голову — пять раз. От последнего у меня остался довольно существенный след рядом с глазом. И мне приснилась задница ночного продавца — два раза. Есть улыбка Чеширского кота, которая появляется сама по себе, у меня была персональная аппетитная задница, которая тоже появлялась сама по себе в моих снах. Она приходила не одна... Собственно, после этого и был пущен в ход реалистик.

Зайдя через пару дней в магазинчик, я не знала, чего мне ожидать, кроме серых глаз, конечно же. Их я ожидала увидеть, но вот как себя вести? Видимо, продавец что-то ждал или, наоборот, не ждал, в любом случае, чувствовала я себя крайне растерянно, по пути прокручивая наш потенциальный разговор. Конечно, я бы предпочла не говорить, а целоваться, но в итоге мы так и не поцеловались и даже разговаривали очень мало.

— Привет, — говорил он. — Как дела? — продолжал. — Что желаешь?

Я говорила, что желаю, опустив, что я желаю на самом деле, и шла домой, где на меня падали и падали коробки из икеи. Наконец, устав от бесконечных вздрагиваний и ударов по голове, было что-то загадочное в том, что куда бы я не водружала эту коробку — она падала на меня, я купила стеллаж, куда и намеривалась убрать эти коробки, тем самым освободив себе пару метров жилой площади, которая не была лишней.

В компании, где я купила стеллаж, меня заверили, что он очень легко собирается, и мне не понадобятся услуги сборщика мебели, а также он легкий и удобен в транспортировке.

Нет ничего невозможного для человека с интеллектом, решила я и отказалась от сборщика. Оплатив только доставку до подъезда, стала ждать свой стеллажик. Я не на секунду не сомневалась в успехе своего предприятия, ведь я в прошлом — чемпион области по робототехнике, неужели я не справлюсь со сбором полок? — думала я. Ровно до того момента, как бравые грузчики, а отчего-то эти ребята всегда имеют вид бравый и придурковатый, причем второе явно напускное, оставили меня один на один с тремя огромными коробками, которые они все же подняли на лифте до общей лестничной площадки, оставив меня перед входом в общий коридор. Конечно, собрать мебель — задача посильная для чемпиона по робототехнике, но не тогда, когда эта мебель весит больше чемпиона. В мыслях, как же мне затащить эти коробки в квартиру, прошел час, пока я не услышала бархатное. Греховно бархатное и абсолютно неуместное, потому что я не могла бросить свой стеллаж и отправиться к своему новому жужжащему другу, который хоть на троечку, но справлялся со своей функцией, в отличие от обладателя бархатного голоса, который вовсе и не торопился сдавать мне зачет...

— Что ты делаешь? — спросил бархатный.

— Да, что ты делаешь? — услышала я откуда-то снизу. Посмотрев вниз, я увидела, что продавец был не один, а с дочкой, наивным ребенком, которому пообещали живого Пегаса и которому еще только предстоит разочароваться в Деде Морозе... Мне стало жалко девочку, себя, Деда Мороза и особенно Пегаса.

— Собираюсь растопить камин этими дровами, — ответила я, потом, посмотрев на

округлившиеся глаза девочки, добавила: — у меня нет камина.

— Тогда тебе не нужны дрова, — ответила девочка, она явно была смышенной, ну... я так думаю.

— Так что ты делаешь, Василина? — еще раз бархатное.

— Думаю, как его, — показала рукой на коробки, — занести в квартиру и потом собрать...

— Ага, — услышала я в тот момент, когда коробка поехала у меня перед глазами как раз в сторону моей двери. Потом другая коробка и третья. Пока я не вышла из ступора от вида самопередвигающихся коробок и не услышала:

— Может, ты откроешь дверь?

Я открыла и смотрела, как коробки продолжали двигаться, пока не оказались лежащими вдоль моего матраса, реклама гласила, что он ортопедический.

— У тебя есть карандаши? — спросил деловой детский голос, пока маленькая девочка снимала куртку и сапожки.

— Нееет, — у меня действительно не было карандашей, — но у меня есть фломастеры и маркеры, дать? И, подожди, почему ты раздеваешься?

Я ничего не имела против маленькой девочки, но что я буду с ней делать? Я имею ввиду, ведь детей кормят чем-то? И их укладывают спать или еще что-то...

— Дать! Зачем бы я тогда спрашивала? — сказала девочка, пожимая плечами, — я раздеваюсь, потому что, когда папа собирал шкаф — это было очень долго, два дня или три недели.

Вариант с тремя неделями в одной квартире с её папой мне понравился больше, я обдумывала возможные варианты времяпрепровождения с продавцом на моем матрасе, пока не поняла абсурдность ситуации: самопередвигающиеся коробки, маленькая девочка, красные оборки, маркеры, раскраска в руках...

— Давай я помогу тебе, — тихое-тихое, бархатное, где-то над головой.

«О, Боже, да, помоги мне...», — хотелось сказать, но, похоже, всякая способность говорить покинула меня.

— Василина?

— Василина?

— Василина? — пальцами по лицу, по следу от коробки, которая упала ночью. — Больно?..

— Нет... — так же тихо. Возможно у меня пропал голос.

Через два часа мы сидели вокруг деталей из ДСП, причем я сидела на матрасе, а продавец на коленях на полу и быстро крутил шестигранником. Было прекрасно, что он сидел ко мне спиной, ведь так я имела отличный вид не только на аппетитную задницу, резинку трусов, которая на этот раз была темно синяя с какими-то причудливыми надписями, но и на плечи, которые тут, вблизи, были еще шире, чем за прилавком, и на руки, и на пальцы... пальцы, на этом месте мне показалось, что у меня заслезились глаза, потому что, что бы не писалось в любовных романах, имеет значение не размер детородного органа, а форма рук и пальцев. Пальцы продавца были идеальны. Плечи были идеальны, хотелось поднырнуть под руку и начать с того места, на котором мы однажды закончили...

— У тебя есть прокладки? — услышала я из-за стола, за которым сидела маленькая Вася с раскраской.

— Да, конечно, — ответила я. Это случается постоянно, даже точно зная приход этих

дней, обязательно все случится не вовремя и именно тогда, когда у тебя нет с собой прокладки, поэтому для одной женщины попросить прокладку у другой женщины так же естественно, как для мужчины знать устройство двигателя внутреннего сгорания.

— А какие?

Тоже вполне уместный вопрос, не просто так производители тратят массу времени на тест группы, «каждой женщине — своя прокладка» — должно стать девизом следующего столетия. Одни слишком большие, другие слишком маленькие, третьи со слишком грубым верхним слоем...

— Котекс, — честно сказала я. У них все нормально с размером и верхним слоем, и дизайном тоже, хотя это не имеет большого значения.

— Ага... — услышала я от стола с раскрасками.

«Ага», — подумала я, потом подумала: «Я конечно не очень разбиралась в детях, но четырехлетним девочкам точно не нужны прокладки, она вообще не должна знать про прокладки». Интересно, а что она уже должна знать в этом возрасте, например, столицу Австралии должна знать? А где находится Австралия? И кстати, что там со столицей-то...

Из этих мыслей меня выдернул взгляд продавца, глаза которого округлились... и он, наклонив голову, смотрел на меня.

— Что? — прошептала я. — Она спросила, я ответила.

— Ничего...

Вот именно «ничего». Нормальный разговор... Или нет? Может это шокировал продавца, я не уверена, но мама мне говорила, что мужчины — очень хрупкие создания, и хотя продавец не производил впечатление хрупкого существа, я уточнила на всякий случай.

— Ты же знаешь, что женщинам нужны прокладки? Ну... у тебя же есть ребенок, я имею ввиду..., и я у тебя их покупала, вообще-то! — привела я последний аргумент в свою пользу.

В хорошенькой девушке скрыты гены прабабушки — это всем известный факт, и сейчас эти гены вырвались наружу вместе со словами:

— И презервативы тоже!

— Я помню, — ответил продавец, — ребристые.

— Дааааа? — удивилась я, в тот день я не слишком рассматривала свое приобретение.

— Не заметила?

— Увлеклась!

Продавец уткнулся в доску ДСП и продолжал крутить шестигранник, пока я не попыталась продолжить светскую беседу.

— Послушай, а зачем ей прокладки? — я старалась говорить тихо, хотя Вася сидела в некотором отдалении, и работал телевизор, все же не очень прилично говорить о ком-то в третьем лице, если это лицо присутствует в помещении, а я воспитанная женщина.

— Садик, — сказал продавец.

Это должно было все объяснить. Но не объясняло.

— Что садик?

— Это модная тема в садике. Готов поспорить, — сказал он еще тише, практически мне в шею, рядом с ухом, — в её личном рейтинге ты поднялась пунктов на десять... примерно до Авроры...

Я понятия не имела, кто такая Аврора, если только это не крейсер, которому вечно что-то снится, но подниматься в рейтинге всегда приятно, особенно когда с одной стороны у

твоей шеи находятся губы продавца, а с другой — рука с идеальными пальцами.

Еще через час стеллаж был собран, и Егор упал на матрас, раскинув руки, и все, кто находились в комнате слышали «жжжжжжжж» из-под покрывала.

Мой жужжащий дружок решил заявить о своем присутствии во всеуслышание. Видимо его обескуражил вид лежащего продавца, потому что меня он точно обескуражил, особенно, когда синий свитер задрался, и я увидела дорожку волос, уходящую под ремень с причудливой пряжкой, которую захотелось тут же расстегнуть.

Продавец быстро встал, смотря на одеяло так, будто оттуда сейчас вылезет Франкенштейн или Человек Паук, я же в это время прикидывала, стоит ли мне залезть под одеяло и отключить, или сделать вид, что ничего не случилось.

— У тебя есть заводной петушок? — услышала я Васино восторженное.

Так его еще никто не называл, похоже, меня только что лишили секса и на твердое «удовлетворительно» с жужжащим реалистиком, потому что делать это с «заводным петушком» я не смогу никогда в жизни.

— Покажи! — требовал голосок.

Показывать не входило в мои планы. И в планы продавца тоже, который быстро сказал:

— Петушок болеет.

— Чем?

— Ветрянкой. Помнишь, ты болела ветрянкой и была заразной..., поэтому петушок прячется под одеялом, а нам нужно скорей домой, чтобы тоже не заболеть.

Так моя современная модель с семью скоростями и вращающейся головкой стала заводным петушком, заразным петушком, в пятнах зеленки.

— Спасибо, — быстро сказала я у двери, все же я была воспитанной женщиной, пока продавец практически выталкивал из моей просторной квартиры Васю, которая рассказывала про заводных петушков, которые есть у её подружки, про интерактивную кошку, следы от ветрянки и как весело рисовать зеленкой цветочки.

Еще через пару дней, зайдя в магазинчик в раздумьях как же мне отблагодарить ночного продавца, ведь не каждый день тебе собирают стеллаж... Собственно, у меня был вполне определенный план, но была одна существенная недоработка в моем гениальном проекте — не похоже, чтобы продавец обрадовался бы моему плану. Я всерьез обдумывала свое предложение, потому что дорожка из волос под широкий ремень с причудливой пряжкой превратили мою проблему в практически неразрешимую, а мой жужжащий друг был закинут в дальний угол моей просторной квартиры, потому что... покажите мне женщину, которая захочет секса с заводным, больным ветрянкой петушком?

В мыслях о том, насколько уместно будет мое предложение заняться сексом прямо на витрине и выдержит ли стекло мой вес в пятьдесят кг, я уткнулась взглядом в макушку продавца, чьи идеальные пальцы сейчас перебирали стопку накладных, в то время, как идеальные губы, которые мне очень хотелось съесть, что-то шептали себе под нос. Подняв на меня серые глаза в самой греховной оправе для очков, которую я только могла бы себе представить, продавец сказал:

— Привет, Василина, — и отложил накладные в сторону.

Я поняла, что сегодня мне приснится не только аппетитная задница и дорожка волос, требующая срочно сдернуть ремень с её обладателя, но и очки. Разве может мужчина в очках выглядеть сексуально? — мелькнула мысль. Конечно, — вторила ей другая.

Перебрав ногами для лучшей устойчивости, я всерьез опасалась за свою координацию,

когда пожирала глазами продавца в очках, серой футболке и, Боже, его греховно аппетитную задницу, которую, конечно же, не было видно, потому что он стоял ко мне лицом, но я уже довольно давно с ней знакома, поэтому мне не нужно её видеть, чтобы представить. Я старалась собрать всю свою силу воли, если таковая изначально входила в мой комплект при рождении, чтобы перестать откровенно пожирать глазами продавца, потому что мои мысли неслись со стремительной скоростью, которая все равно не успевала за воображением и... кажется, у меня сейчас подкосятся ноги. Продавец сглотнул, я проводила взглядом его кадык и, кажется, прикусила себе губу. Ситуация стремительно выходила из-под контроля, если он был, конечно.

— Что это? — спросила я, ткнув рукой в накладные. Я прекрасно знала, что это, ведь мои две работы непосредственно были связаны с такими накладными, формы «торг 12». Но что-то я должна была говорить, и на данный момент я гладила себе по голове и ставила мысленно «отлично» за то, что не попросила его язык в свое горло.

— Накладные, — растерянное бархатное, глаза по-прежнему смотрят куда угодно, только не на меня. Со мной что-то не так?...

— И что ты делаешь? С накладными, я имею в виду, — на всякий случай уточнила я, ведь я совсем другое подразумевала под этим вопросом. Например, «что ты делаешь сегодня ночью?».

— Их надо ввести, — ответил продавец, и это прозвучало, как приглашение. Кажется, я чертыхнулась про себя, или это был продавец, трудно сказать.

Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, потому что, клянусь, никогда еще мой мозг не посещало столько эротических введений на яву, я выпалила первое, что пришло в голову.

— Я могу это сделать, ввести, я могу, — проследив за языком продавца, который медленно облизал нижнюю губу, я уточнила, зачем-то... зачем? — накладные в базу... У тебя установлен TeamViewer?

— Неет, — как-то тихо.

Мне захотелось взять его рот и провести им по своему уху, конечно же, чтобы лучше расслышать. Покопавшись в своей сумке, я кинула на прилавок флешку, нисколько не подумав о её содержании, но точно помня, что там есть нужная программа. Я быстро схватила стопку накладных и практически выбежала из магазина, потому что мне совсем не хотелось попасть за решетку за попытку изнасилования ночного продавца. Не уверена, что есть такая статья в уголовном кодексе, к тому же наличие сексуальных очков меня бы наверняка оправдало, сделав из насильника — жертву, но все же это осталось бы темным пятном на моей светлой биографии.

Придя домой я все же сообразила, что у меня нет номера телефона продавца, и что я даже не спросила его, готов ли он, чтобы я «запускала руку» в базу данных его магазина, в конце концов, это еще более интимная сфера, чем мои сны о нем.

Поэтому мне пришлось спуститься, выяснить пару рабочих моментов, заверить пятнадцать раз, что мне это не сложно, и даже один раз обидеться, у меня высшее экономическое образование, его неверие в мои способности даже как-то оскорбительны.

По истечении трех часов, отложив последнюю накладную в сторону, я, открывая на его компьютере вордовский файл, пишу ему:

«Все!»

«Спасибо. Что я тебе должен?»

Долго думаю, насколько приемлемо попросить расплатиться натурой, в итоге пишу:

«Брось, ты собрал мне стеллаж, все поровну»

В итоге он спрашивает меня откуда я. Я отвечаю.

Он спрашивает про моих родителей, про друзей, где я люблю бывать и даже что я люблю на завтрак.

Общение в TeamViewer отличается от виртуального тем, что у тебя нет второго шанса. В любом онлайн общении ты можешь передумать перед тем, как отправить сообщение. Но тут все на виду. Ты пишешь букву — её видят. Это сродни обнажению мыслей. Надо или очень быстро думать или отвечать честно. В итоге, к пяти часам утра мы играем в ассоциации, он смеется над тем, что у меня арбуз ассоциируется с белым хлебом, а я хихикаю над его рядом из клубники и квадрацикла.

К шести утра я засыпаю, на работу мне только к вечеру, к вечерникам, так что у меня есть время выспаться и подумать. Подумать над тем, нравятся ли мне знания о том, что клубника у продавца ассоциируется с квадрациклами, а черный чай — с ночью.

Последующие недели мы общаемся почти так же. Я спрашиваю, как он собирается выходить из положения с новогодним подарком, ведь очевидно, что Пегаса крайне сложно найти. Он отвечает, что сторговался на Блум с Энчантисом... я не спрашиваю что это. Или кто. Звучит ужасающее.

Проходя мимо детской площадки днем, я увидела своего продавца и маленькую Васю, все же есть что-то удивительное в том, что мы почти тезки. Вася старательно собирает снег зеленой лопаткой, строя что-то наподобие снежной крепости, по форме больше напоминающей неровный сугроб, а продавец, сидя на лавочке, широко расставив ноги, опустив голову, смотрит попеременно на свои ботинки, потом на телефон, потом снова на ботинки.

— Привет, — сказала я.

— Привет, Василина, — услышала в ответ.

— Что делаешь?

— Гуляем, — ухмыляется, — перед поездкой... к бабушке.

Сажусь рядом.

— Давай вместе гулять...

— Давай, — все так же глядя на свои ботинки.

Отчего-то хочется провести рукой по скуле продавца. Мы сидим какое-то время, каждый глядя на свои обувь.

— Пап, ты взял Маню? — выводит от задумчивого лицезрения обуви.

— Эм... Вася, может без Мани?

— Паааааппп.....

— Давай лапку, детка, пошли за Маней.

— Я не хочу идти, у меня домик.

— Домик, — шепчет продавец...

— Кто такая Маня? — спрашиваю я.

— Её медведь. Плюшевый. Боюсь, без него она не сядет в машину и откажется спать.

В словах продавца есть смысл, если бы у меня был свой медведь, я бы тоже отказывалась спать без него, но у меня есть только свой заводной петушок, и тот болен ветрянкой.

— Сходи за Маней... я посмотрю за Васей, — говорю я раньше, чем понимаю, что не имею ни малейшего понятия, как смотреть за четырехлетними детьми. Я имею ввиду, нужно

делать что-то особое? Возможно, нужна какая-то лицензия или что-то в этом роде.

— Хорошо, — быстро соглашается продавец. — Спасибо, — звучит слишком бархатно.

— Детка, — вставая, идя к маленькой девочке, садясь рядом с ней, глядя в глаза, что-то объясняя, на ходу поправляя варежки и шапочку. Начинаю жалеть, что у меня нет варежек.

Егор уже почти отошел от детской площадки, как я в ужасе вспоминаю нечто важное о детях, что конечно же надо выяснить прямо сейчас, пока папа маленькой девочки не ушел далеко.

— Егор, — кричу я, — аа... у Васи есть аллергия? — когда меня отправляли в детский лагерь или санаторий, в анкете для родителей всегда была такая графа, так что вопрос мне кажется существенным.

Он возвращается, глядя ровно на меня своими серыми глазами, подходит близко, еще ближе, совсем близко и в губы, проводя прохладными пальцами по моей шее:

— Непереносимость лактозы. У Василисы непереносимость лактозы, но шансов, что она найдет на детской площадке продукты, содержащие лактозу, не так и велики, правда, Василина? — его губы почти на моих губах, двигаются в такт моим «не так и велики». И, быстро развернувшись, уходит.

Так или иначе, но к нам мчится Новый год, в обнимку с Дедом Морозом, снегурочкой, снегом, салатом оливье и желанием под бой курантов. Ни у кого никогда не сбываются эти желания, но все их загадывают, я думаю, это оттого, что все загадывают невозможное.

Волшебную палочку или билет в Хогвартс — во всяком случае, я загадывала это в течение многих лет, сейчас я хочу Пегаса. Живого. С размахом крыльев метра полтора. Пегаса-пони, чтобы он мог поместиться в моей просторной квартире, я буду расчесывать его гриву и кататься ночью под облаками, когда станет теплей, конечно же. Но пока у меня нет личного Пегаса, я заказала билеты домой на Новый год и стояла на крыльце дома, ожидая курьера, который должен был появиться с минуты на минуту. Он появился вместе с Егором, который шел, держа за руку Васю, неся в руках санки-ледянки и плюшевого Маню. Оказалось, что Маня вовсе не девочка, потому что бантик у него не на голове, а на шее, правда до этого я считала, что признаки половой принадлежности все же немного другие, но Васина версия с бантиком мне тоже очень нравится, ей она поделилась, когда я была в няньках у Васи второй раз.

Выйдя из лифта, почти ночью, я была более чем удивлена встретить Егора, в это время он почти всегда в магазинчике, еще больше я была удивлена виду продавца. Его серые глаза почти всегда улыбались, даже когда он говорил «покажите ваш паспорт, пожалуйста» его глаза улыбались, сейчас кто-то слизал улыбку из глаз Егора — это было грустно...

— Что случилось? — спросила я.

— Васька, она заболела... — делая шаг в лифт.

— Я могу чем-то помочь? — вырвалось у меня прежде, чем я поняла, что не имею понятия, чем я могу помочь.

Егор остановился, будто обдумывая что-то.

— Знаешь, я такой болван, всегда надо иметь жаропонижающие... всегда, я не купил, забыл, теперь она там, — кивок в сторону двери, — одна... ей четыре года, у неё тридцать девять... может, ты побудешь с ней? Я быстро... Она смотрит мультик...

— Какой мультик? — спросила я, будто это решало что-то или избавляло меня от страха перед четырехлетней девочкой с температурой и её непереносимостью лактозы, к тому же страшный Блум вызывал вопросы...

— Ты не должна это делать, Василина, — услышала я бархатное, успокаивающее, теплое, как рука на моей щеке...

— Так что с мультиком? — прошептала я.

— Губка Боб.

— Оу, с Бобом я справлюсь, — быстро проговорила я, выхватывая ключи из рук продавца.

В тот момент, когда я заходила в неизвестную мне квартиру, где меня ждала встреча с большой четырехлетней девочкой, Егор заходил в лифт с антивандальными стенами, выпущенными фирмой Otis. Интересно, бывают ли лифты других фирм?

Вася никак не отреагировала на мой приход, крепче обняла медведя и продолжила смотреть мультик. Так мы и смотрели на квадратные штаны, подпевая «Кто проживает на дне океана. Спанч Боб», пока Вася не забралась ко мне на руки, рассказывая про Маню, который все же был мальчиком, и про мальчика Антона, на котором она хочет жениться, но вчера он целовался с Дашкой под горкой, что очень разозлило Васю, и теперь она будет жениться на Вите или на Мане, а еще лучше она женится на папе. Я решила не рассказывать папе о планах Васи, у девочек свои секреты.

Так что можно сказать, что с Васей мы были закадычными друзьями, я имею ввиду, после откровений, что мне тоже нравится её папа, и её сна на моих руках, который закончился моими сырыми брюками, нас же можно считать подружками... Тем более с подругами, после появления в моей жизни трех работ, пяти остановок и просторной квартиры-студии, у меня было не густо.

— Что делаешь? — спросил бархатный голос Егора, его глаза улыбались, кто-то вернул ему улыбку, от этого хотелось улыбнуться и мне.

— Уже ничего. Забирала билеты у курьера.

— Едешь домой?

— Да...

— Это хорошо...

— Хорошо... — с каждым словом все тише и тише...

— Пойдем с нами, Василина?

— А куда вы? — словно это имеет значение.

— Тут недалеко, в парк, на горки...

— Пойдем, Вася! — маленькая ручка дернула меня за рукав.

— Пойдем.

Зря я много лет загадывала билет в Хогвардс, не было в этой школе волшебников ничего особенного. Особенно было — кататься на санках, быстро, на скорости летя вперед ногами, потом спиной, потом боком, потом падать спиной, переворачиваться на спину, загребая полные рукава снега, а потом, сидя, запыхавшись, откинувшись спиной к дереву, есть снег. Ведь теперь никто не скажет, что нельзя этого делать. А снег — он вкусный.

— Пошли, — сказал Егор, показывая глазами на высокую ледяную горку, откуда неслись с большой скоростью взрослые и дети, собираясь в конце в большую кучу из рук и ног, напоминая собой неуклюжего, огромного осьминога. Это казалось опасным и привлекательным.

— Стоя? — спросила я.

— Хорошо, — чем-то блеснула серость в глазах.

— Держись за меня, — устраивая мои руки на своей пояснице, держа меня крепко, — я

удержу тебя, — тихо, почти неслышно... — Поехали.

И мы поехали. И ехали. И лед скользил под ногами. И руки держались крепко. И деревья мелькали перед глазами, там за широким плечом, пока я не закрыла глаза, крепче ухватившись за поясницу, пока мы не стали частью неуклюжего осьминога. Я — лежа на спине, и под моей спиной плавился не только снег, но и земля, и Егор, который не отпустил меня ни на секунду, как и обещал, дыша мне в губы, закрывая глаза, будто щурясь на солнце, потом перемешивая наше дыхание, пока я не услышала свое:

— Поцелуй меня.

И его.

— Василина... — перед тем, как смешалось уже не только дыхание, и мои руки так и не отпустили поясницу...

Потом, стоя в общем коридоре, ища ключи в карманах, Егор держал на руках спящую Васю, я практически видела мурашек, которые бежали по моим ногам под теплыми, спортивными штанами, реклама гласила, что они для сноуборда.

— Зайдешь? — услышала я шепот, когда сильные руки переключивали маленькую девочку с одной руки на другую, когда как малюсенькие ладошки не отпускали шею папы не на минуту. Я понимала эти ладошки.

— Аааааа?

— Давай, сегодня выходной, у тебя есть планы?

— Нет, на самом деле... — у меня действительно не было никаких планов, собрать чемодан для поездки домой займет не более часа, так что, я ответила: — Зайду.

В прихожей, которая была на целых полтора метра больше моей, но заставлена санками, велосипедом и огромным зайцем, отчего казалась меньше, Егор шепнул:

— Раздевайся, я сейчас, — и ушел в сторону комнаты, неся Васю.

Я не знала, что мне делать, я уже была в этом доме, но что-то сейчас повисло в маленькой прихожей, я пыталась понять, что это. И поняла, когда из комнаты вышел ночной продавец. На нем все еще были эти теплые спортивные штаны, которые надевают на горнолыжных курортах, флисовую кофту он снял, и сейчас на нем была только трикотажная футболка с длинными рукавами, которые он закатал.

Все знают, что девочка Алиса упала в кроличью нору перед тем, как попасть в зазеркалье. Но девочка Алиса сама двигалась к норе, в моем случае нора надвигалась прямо на меня. Она надвигалась, пока, опустившись на колени, Егор расстегнул мои сапоги и снял их, надвигалась, когда поднялся надо мной и, проведя совсем неслышно рукой по моим губам, прошептал:

— Василина, останови меня, сейчас, пожалуйста.

— Но я не хочу, чтобы ты останавливался, — и это была моя последняя сознательная озвученная мысль, потому что нора накрыла меня от кончиков пальцев ног до макушки.

Мои ноги поднялись сильными руками Егора, пока мои руки судорожно хватались за шею, а зубы, кажется, кусали губы.

Судорожно снимая его футболку, свою, заморожено глядя на его идеальные пальцы, которые дергают молнию на моих брюках, а потом одним рывком стаскивают их с моих ног, вдруг оказавшихся голыми и широко расставленными, под бедрами продавца, пока его руки держат меня за талию, и кажется одного обхвата руки хватает, чтобы обнять меня целиком, крепко вжав в уже голое тело.

Его губы целуют и шепчут, и снова целуют, и снова шепчут. Его руки, кажется,

оказываются одновременно по всему моему телу, пока я не оказываюсь обнаженной окончательно, и мне бы засмущаться, но я не могу, потому что в это время я заморожено смотрю на пальцы, которые ныряют под резинку мужского белья сдергивают его, бросая куда-то.

Мои губы целуют и шепчут, и снова целуют, и снова шепчут. Мои руки поглаживают, обхватывают и под своё судорожное «пожалуйста, пожалуйста» вводят, и это в триллионы раз лучше пластика.

Мое тело выгибается, пока руки цепляются, ногти царапают, а языки встречаются и встречаются ровно в такт бедер, под мое «пожалуйста, пожалуйста»...

Я сверху, мне нравится этот вид, его глаза почти черные, рот приоткрыт, его руки держат мои бедра, направляя моё «пожалуйста», пока я не падаю грудью на грудь и слышу «да, господи, да», и я готова ощутить себя господом, потому что в этот момент я вижу Бога перед собой и топлю свой вскрик в идеальной руке.....

Проснулась я от негромкого «вы наш гость, вы наш гость, позабудьте грусть и злость». На экране телевизора забавная посуда развлекала девушку, тогда как не менее забавная девочка в желтых колготках и розовой футболке с изображением не менее розового слона подпевала забавной песенке «вы наш гость, вы наш гость, позабудьте грусть и злость». Я тоже начала подпевать, вспомнив откуда-то слова, чем обратила на себя внимание маленькой Васи, вдруг поняв, что хоть я и под одеялом, но одежды на мне так уж и много.

— Проснулась? — спросила Вася.

— Да, — я же проснулась.

— Пааааап, она проснулась! — укладываясь со мной рядом, обнимая горячими ладонками, — это хорошо, что ты не описалась... папа никогда не ругается, но это довольно конфузливо, — прошептала мне в нос Вася.

На какое-то время она замолчала, развернувшись к экрану, оставив меня один на один с моими мыслями. Я, безусловно, была рада, что не описалась... и Вася, конечно, права, это было бы весьма конфузливо...

Поток моих мысленных рассуждений прервал Егор, который вошел в комнату, где стоял разобранный диван, под одеялом лежала я, а рядом лежала Вася, поднимая ноги вверх, выписывая ими балетные па. Он отложил кухонное полотенце, которое было у него в руках, в сторону, усадил Васю на руки со словами «не смотри телевизор лежа» и, придерживая её одной рукой, смотрел на меня, пока не закончилась песенка, и я не услышала:

— Вася, обед готов, хорошо? — в затылок с кудряшками.

— Хорошо.

— Беги, мой ручки, я сейчас приду, — ссаживая с колен желтые колготки, которые, собрав по пути пару игрушек, все же вышли из комнаты.

— О чем ты думал, сейчас? — спросила я.

— О том, что я сижу между двух Вась и могу загадать желание...

— Тогда не говори, не сбудется...

— Если я не скажу, тем более не сбудется, — укладываясь рядом со мной. — Останься со мной, сегодня, Василина? Этой ночью, — осыпая поцелуями лицо.

— Эй, подожди, мне нужно кое что выяснить.

— Что?

— Как часто в твоей постели писаются женщины?

— Оооооооооо, уже довольно редко, на самом деле, только когда болят или у них

замерзают ножки... как у тебя сегодня... так что тебе пришлось лечь спать, чтобы согреть ножки, девочки всегда спят днем... — забираясь под одеяло, проводя по моим ногам. — Останься со мной, Василина, — и это звучит больше, чем приглашение остаться на ночь.

Я осталась. И мне приходилось быть тихой, насколько это возможно, пока губы шептали причудливые узоры мне в губы, а пальцы проводили по местам, где до этого ни разу не прикасались мужские руки...отчего-то. «Ты левша, Василина, это довольно очевидно».

Утром мне нужно было на поезд. По договоренности, Егор разбудил меня раньше, и я убежала в свою квартиру собирать чемодан и ощущать себя беспардонно счастливой. Мой продавец сказал, что отвезет меня на вокзал, мне надо зайти к нему в магазин, когда я буду готова.

Все что случилось потом, конечно чистая случайность, но какая случайность! Случайность, которой хочется выдернуть ноги. Её идеальные, стройные, длинные ноги.

Я уже знала, что сестра Егора Настя жила в этом доме, двумя этажами выше, в такой же просторной квартире, как у меня, но никогда не встречала её больше после того злополучного дня у лифта. В этот раз, зайдя в лифт, я увидела не только Настю, которая, конечно, не знала меня, но и её подругу, с такими же ногами. «Может их клонируют?», — подумала я, пока нажимала кнопку первого этажа. Ехать с восемнадцатого этажа на первый не так и долго, но этого вполне достаточно, чтобы расколошматить вдребезги твое хорошее настроение, а потом вернуть тебе самооценку.

— Так что там твой брат? — вторые стройные ноги.

— Да нормально. Интересуешься? — игриво.

— Ну... он... горячий...

— Если тебя интересует на раз, добро пожаловать, только потом не жалуйся.

— А что, есть недовольные? — со смехом.

— Алииина, я тебя умоляю, какие недовольные? Все предельно ясно, на раз. Без обязательств, ты первый год знаешь моего брата? Но недовольных нет. Иначе откуда бы этот шлейф марин-ирин-галь...

— Он, наверное, скрывает недовольных, а? — продолжая смеяться.

— Слушай, я деталей не знаю, но Аленка мне рассказывала кое-что, и это бомба. Просто. Нахрен. Бомба.

— Нааасть, ты офигела, он твой брат, — смеясь уже в голос

— И что? Я знаю, что у него яйца в штанах, — продолжая смеяться.

Конечно, любую новость надо переспать, любую новость надо обдумать, но мне некогда обдумывать или спать. Просто о таком предупреждают.

На Раз. Отлично! Я не против на раз, у меня даже было пару раз на раз, но тогда меня предупредили. Перед тем, как играть в мафию, всегда объясняют правила игры, мне не объяснили, значит сейчас объяснят. Мне же уже нечего терять, правильно? Правильно! Мой раз уже был. Собственно, не один раз, если быть откровенной... и это был отличный не один раз, но, может, стоило меня предупредить, что на этом — все, выдача абонементов окончена.

Оставляю чемодан прямо рядом с витриной, ловя губами губы:

— Привет.

Борясь с желанием ударить, борясь со слезами.

— Ничего не хочешь мне сказать, перед тем, как я уеду?

Серые глаза ищут что-то в моих, видимо ничего не находят, бросают через плечо:

— Я вернусь через пару часов, — беря меня за руку, хватая чемодан другой рукой, ведет молча на парковку, открывает дверь «Октавии».

Прекрасно.

— Василина, что случилось?

— Да ничего нового для тебя, на самом деле. У тебя же все «на раз», без обязательств, у тебя шлейф марин-ирин-галь, ты же просто бомба, нахрен. А теперь отвези меня на вокзал, как и обещал, иначе я опоздаю на поезд, а я не собираюсь опаздывать из-за твоих разовых бомб!

— Василина? Вася... я не понимаю...

— Не врубай идиота, не на экзамене, из жалости тройку не ставят. Поехали.

— Василина! Сейчас ты скажешь, какая муха тебя укусила, а потом я тебя отвезу. Потом. Пока ты не скажешь, я не сдвинусь с этого места... и, — нажимая кнопку, — ты тоже не выйдешь отсюда, двери заблокированы.

Делать нечего, мы играем честно.

Я говорю.

Он молчит.

Я молчу.

Он молчит.

Вздыхает.

— Василина, я мужчина, а не монах. У меня есть шлейф марин-ирин-галь на раз, без обязательств. Есть. Я пытался... Я хотел... но ничего не получается, никогда не получается, всегда очень сложно. Поэтому мой формат всегда «на раз», без обязательств.

Ловлю губами воздух, да, я хотела услышать правду, хотела, но не хотела, мне не нужна такая правда. Не нужна!

Сейчас главное — не заплакать. Не заплакать до станции метро, потом я просто нырну и растворюсь в метро, где затхлый воздух кондиционеров заберет моё удушье.

— Послушай, послушай меня. Я не хочу с тобой на раз. Понимаешь меня? — он смотрит на меня, я не вижу его. — Не с тобой на раз. Я не хочу сказать, что ты особенная, все женщины особенные, наверное, я не знаю уже... Просто... ты мне нравишься, Василина. Я хочу попробовать с тобой не на раз, наверное, мне это необходимо. Я знаю, что просить тебя попробовать эгоистично, но я прошу тебя, давай попробуем, Вася?

— Я тебе нравлюсь? — решаю уточнить я.

— Очень, Василина, очень... — его глаза такие глубокие, руки невероятно горячие, губы нежные, и они все шепчут и шепчут мне в шею, в губы, в волосы... — нравишься, пожалуйста, давай попробуем, не отвечай сейчас, подумай, по приезду скажешь, но боже, ты мне нравишься, так сильно...

Я решаю, что подумать будет нелишним.

Дом пахнет домом, шарлоткой и лекарствами. Мой папа педиатр, он почти всегда на работе, но приходя домой он усаживается рядом, я ныряю ему подмышку, и он спрашивает:

— Как вы, девочки?

Моей маме сорок пять, и она девочка для моего папы, я вижу, как она проводит рукой по его поседевшим волосам, вижу, как он щипает её за попу, это немного смущающее, но вызывает улыбку. Наверное, я бы хотела остаться в доме своих родителей навсегда, но у меня есть своя просторная квартира, и мама очень гордится тем, что я смогла её купить, она говорит, что я — настоящая молодец, и папа ей вторит.

Все каникулы я борюсь с желанием написать продавцу, загадывая на Новый год, под бой курантов, встретить следующий Новый год с самыми идеальными руками, аппетитной задницей и сексуальными очками. Я загадываю, что если он встретит меня, то я попробую...

В последний вечер дома папа спрашивает меня, отчего я такая грустная, я не кажусь себе грустной, но он мой папа, ему всегда видней, когда я грустная, так всегда было, я задаюсь вопросом, всегда ли так будет...

Я рассказываю ему о продавце, о Васе, о непереносимости лактозы, о том, что он просит попробовать, и я ему нравлюсь, и даже о том, что провела с ним ночь... для полноты картины, мне нужен максимально точный совет от папы, но он не дает мне никакого совета, говорит только, что вовсе не так представлял себе молодого человека, который войдет в мою жизнь, но решать нужно мне. Рассказывает, что такое лактоза, и что непереносимость чаще всего перерастают. Он говорит, что большинство родителей понятия не имеют, что делать с ребенком, когда он приходит в их жизнь, так что мне не нужно бояться сделать что-нибудь не так для Васи, и что мне даже повезло, потому что рядом есть человек, который уже знаком с этой девочкой. А также я могу звонить папе по любому вопросу. Но решать все равно мне. Я ничего не могу решить. Я думаю, что все решит случай, если Егор меня встретит, я попробую. И я верю в это. Стараюсь верить. Потому что... каждую ночь мне снится аппетитная задница, греховно аппетитная, такую задницу нужно запретить законом!

Выныривая из вагона, я увидела Егора, он стоял немного поодаль, молча подойдя ко мне, поправив шапку и варежки, взял чемодан в одну руку и мою ладонь в другую.

В машине я достала блокнот.

«Я знаю, что такое непереносимость лактозы»

«Есть специальное молоко»

«Я не знаю кто такой Блум и Энчактикс»

«Ты мне нравишься»

«Давай попробуем»

Егор, читая, складывает листочки на торпеду, потом молча смотрит на меня, выдыхает и притягивает мои губы к своим.

Мы решаем попробовать. Не на Раз.

С тех пор, как мы решили попробовать не на раз, прошло уже полгода. Надо сказать, что мы очень многое попробовали за это время. Нами был опробован мой матрас, реклама гласила, что он ортопедический, и если под этим подразумевается его повышенная упругость, то она не обманула. Были опробованы все возможные горизонтальные поверхности всех восемнадцати метров моей просторной квартиры, а также вертикальные и любые другие геометрические проекции. Также был опробован очень-очень тихий секс и очень громкий. И даже реалистичная модель с семью скоростями была реабилитирована в моих глазах, потому что, если к вращающейся головке приложить идеальные пальцы рук или, о, Боже, не менее идеальный язык, то целевая аудитория взрывается от восторга.

За время нашей поездки домой от вокзала Егор едва ли произнес пару слов, впрочем, как и я. Он просто держал мою ладонь в своей, играя пальцами, потом подносил к губам и, будто читая что-то про себя, целовал их. Я не хотела мешать интимному разговору моих пальцев и его губ. Диалог продолжался в лифте, продолжился он и в общем коридоре, когда бросив мой чемодан под ноги, он сплел свои пальцы с моими, и губами в губы «я должен это слышать», неожиданно вытащив свой телефон, сказал:

— Насть?

— Да.

— Да.

— Да.

— Я твой должник.

— Вечно.

Потом, уже в мои губы:

— Ты откроешь свою дверь, Василина?

— Что ты должен слышать?

— Скажу потом...

Потом, взрываясь на его губах, выгнув спину, сорвавшись в каком-то странном крике, через время, я услышала:

— Это. Я должен был услышать Это.

В ту ночь он услышал Это не один раз, потому что я бываю громкой, и я была более чем рада нарушить статью административного кодекса о шуме после одиннадцати часов вечера.

Иногда я оставалась на ночь у Егора, и тогда мне приходилось быть тихой, очень тихой, я попробовала и нашла в этом свою особую прелесть и заодно подушку, которой в случае форс-мажоров закрывала себе лицо, гася свой крик.

Иногда мы не виделись неделю или больше, потому что у него магазин и учеба, у меня работа, работа и работа, и у нас была Вася. Тогда утром меня будил звонок в дверь, а позже, когда однажды запутавшись в пижаме, я упала по пути ко входу, я попросту дала Егору ключи от своей квартиры — поцелуй и слова «Василина... Вася, у нас есть тридцать минут...»

Мои возражения, а, как девушка, я должна была возразить, длились не больше двух минут, конечно же, чтобы не спугнуть удачу. То, что передо мной была моя удача во плоти, с серыми глазами, горячими руками и шепотом мне в шею «уже 28 минут, Василина», как раз

в тот момент, когда его руки сдергивали с меня футболку, я не сомневалась ни на минуту.

Не сомневалась я в своей удаче, когда Егор протянул ключи от своей квартиры со словами «на всякий случай», и случай нашелся почти сразу. Не сомневалась, когда зайдя в магазинчик, который когда-то хотела взорвать, обнаружила подсобное помещение и, повесив на дверь табличку «технический перерыв», соблазнила своего продавца с помощью того самого красного платья, и на этот раз он нашел его «обалденным и выше всяких похвал» все те полторы минуты, пока видел его на мне.

По выходным мы ходили на горки в парк, прихватив с собой санки и Маню, потому что без Мани никак нельзя было кататься. Я хорошо понимала Васю, мне без Егора тоже было не интересно в парке, хотя я и ходила пару раз только с Васей, научив её лепить снеговика, а она меня — половой идентификации оных, оказывается у снеговиков-мам «должны быть сиси». Я была полностью согласна с Васей, но когда вечером смотрела на себя в зеркало, была удручена, что приличной снего-мамы из меня не получится. О чем тут же сообщила продавцу, чтобы он не питал иллюзий, если вдруг ему в ближайшее время понадобится мама-снеговик — я решительно не подхожу на эту роль.

«У тебя классные сиськи», — получила я смс.

«Обе, две», — было продолжением.

«Я люблю твои сиськи», — было следующим смс от продавца, до поворота ключа и его «у нас есть тридцать минут, Василина» и быстрого сдергивания моей кофточки с последующим внимательным изучением моей груди, каждой по отдельности, и заключением «у тебя красивая грудь... очень», и «вкусная», и «обалденная», и «Василина, завтра выходной, проведи эту ночь со мной», и моим «хорошо, но у нас же еще есть двадцать восемь минут?», и его «О, да...», и идеальными пальцами, которые пробегаются по моей ставшей красивой груди, и греховно бархатным «ты такая красивая, Василина... ты сводишь меня с ума».

Утром, когда моя грудь была официально признана восхитительной, я сама — красивой, а некоторые части тела — неприлично вкусными, наши с Егором ноги заплелись в причудливые косы, а его руки выводили круги на моих бедрах, замок на входной двери повернулся, и на цыпочках вошла Настя — сестра Егора, та самая, с клонированными ногами. Дверь в комнату всегда была открыта «на всякий случай», но этот случай никак не включал в себя появление длинноногой сестры Егора. Настя округлила глаза, потом демонстративно их зажмурила, потом изобразила лицом хомяка и показала рукой в сторону кухни, что выглядело довольно смешно, на самом деле, поэтому я рассмеялась глядя Егора, который уже одевался, чтобы выйти к сестре.

— Ты можешь поспать или выходи, будешь кофе?

— Аха... — сказала я, поэтому мне не оставалось ничего другого, как встать и оправиться в ванную комнату, где я попыталась изобразить хомяка, но у меня получилась снежная баба, зато с восхитительной грудью, — подумала я.

В двухкомнатной квартире по цене однокомнатной очень мало места и прекрасная слышимость, поэтому мне пришлось стать свидетелем разговора.

— Значит ты теперь трахаешь эту крошку?

— Нет.

— Нееееет?

— Нет, я не трахаю, как ты изящно выразилась, эту крошку.

— А почему у неё такой вид?

— Какой? Без сахара? — видимо Егор делал кофе.

— Оттраханный у неё вид, как у меня сегодня... с утра.

— Пфф... перестань, моя сестра в шестом классе, она не знает, что такое секс.

— В шестом классе у твоей сестры были месячные, и она знала, что такое секс, ей рассказал её старший брааааатик.

— Выдрать бы ноги этому брааатику, тогда моя сестра во втором классе. Я не хочу знать про её, прости господи, оттраханный вид, избавь меня от подробностей, а.

— А я хочу подробностей... а... ааа... грязных деталей... уууууу... — в тот момент, когда лицо Насти снова изображало хомяка, я вошла на кухню. — О, привет, меня зовут Настя.

— Василина, — ответила я хомяку, — Вася.

— Ого... Две Васи — это круто, у тебя теперь, брааатик, все желания исполняются? — интересно, почему она спрашивает братика, а смотрит на меня?

— Ну, те, что он озвучил, — честно ответила я. Меня спросили, я ответила. Я — честная женщина и на все вопросы отвечаю честно.

Через время на кухне сидели все, включая Васю и Маню, при этом Вася была согласна на завтрак в виде каши, оказалось, что детям на завтрак обязательно дают кашу. В принципе, я помнила это, но отчего-то надеялась, что правило обязательнокашковости отменили. Маня же требовал блинчики. С вареньем.

— Папа, я буду кашу, а Маня не будет, он хочет блинчики.

— Детка, давай завтра, у папы много дел.

— У тебя всегда много дел, а Маня хочет блинчики.

— Маня — медведь, медведи любят мед.

— Дааа? А суп он вчера хотел!

— Это аргумент, — со смехом Настя.

Я не имела представления, какие именно блины ест Маня, все-таки он медведь, к тому плюшевый, но сказала.

— Я сделаю блины Мане.

— И мне, — Вася. — Только молоко в синей коробке.

Годы научили меня немногому, но печь блины я умела и, хотя молоко вызывало подозрение, на вид и на вкус оно было самым обыкновенным, так что через время Маня размазывал по своему плюшевому рту блин и варенье, а руки Васи были в тесте, потому что её занимал сам процесс, который, видимо, отличался от папиного. Скорей всего потому, что Вася сидела у меня на боку, обхватив меня руками, пока я переворачивала блин, а потом мешала ладошкой тесто в кастрюльке, вытираясь потом бумажным полотенцем.

— У тебя очень вкусные блины, Вася, — прошептал мне в ухо детский ротик, потом об мои волосы вытерли остатки теста, а потом на кухню зашел продавец, который в это время был в комнате, перебирая какие-то документы с Настей, и, как назло, на нем была сексуальная оправа.

Не знаю, возможно ли почувствовать желание облизнуть очки, но именно это я и почувствовала, когда идеальные пальцы собрали тесто с моего лица и, облизав, я услышала греховно бархатное:

— Спасибо...

Не знаю, возможно ли почувствовать желание облизнуть идеальные пальцы, которые пробегают по шее, тогда как четырехлетняя девочка сидит на руках и держится

одновременно за меня и за папу.

— Пожалуйста...

Не знаю, возможно ли почувствовать желание ощутить вкус губ на своих губах, когда по этим губам детской ладошкой размазано тесто.

Но именно это я и почувствовала, когда услышала:

— Детка, беги в ванную, я сейчас приду, — и я не была уверена, кому это было сказано, пока сиреневая пижамка с Маней в варенье не отправилась в ванную комнату, а я ловила губами:

— Спасибо...

Резко появившаяся спина Егора вывела меня из моих нереализованных желаний, пока я не услышала над ухом:

— Я абсолютно уверен, что тебе нужно в ванную комнату.

— Зачем?

— Срочно... Василина, — уже с обратной стороны двери ванной, вжата в тело продавца, — Василина... — и губы съедают остатки теста с моего лица, — Василина, — и руки снимают футболку, — Василина... — и я приземляюсь на стиральную машину, которая кажется слишком холодной для моего уже до предела разгоряченного тела, — Василина... — и прижатая идеальными руками, обхватив ногами аппетитную задницу, я отчаянно пытаюсь получить трение тому месту, которое сейчас нуждается в этом, — Василина... Вася... ты сможешь быть очень тихой?

Я не сомневаюсь в этом, если меня спросить, действительно ли в солнечной системе шесть планет, я лишь кивну головой в знак подтверждения.

Когда же мои шорты летят в сторону, и я ощущаю горячую плоть напротив своей, я не могу сдержать всхлипа, и, видимо, он достаточно громкий, потому что идеальные пальцы закрывают мне рот, а серые глаза ловят мой взгляд и говорят... говорят... говорят... тише... тише... тише... под каждый толчок... тише...

Потом, сидя вдвоем с Настей, я слышу:

— У тебя красивые глаза, зачем ты прядешь свои глаза этим цветом волос? Василина, тебе нужно быть блондинкой, такой теплой блонди.

И через пару часов мучений я становлюсь теплой блонди, и мои глаза действительно видны, как никогда, и я этому рада отчего-то.

— Знаешь, иди домой сейчас, завтра Егор тебя увидит... и в твоей квартире шумоизоляция, надеюсь, лучше, — смеется Настя.

Поэтому, когда через неделю я бодрым шагом иду ставшие уже привычными пять остановок, я чувствую себя более чем прекрасно. Конечно, тот факт, что моё плечо оттягивает большая папка с документами немного утяжеляет мою летящую походку. Как и осознание того, что скоро день внесения очередного платежа за мою просторную квартиру с хорошей шумоизоляцией — ведь соседи не жаловались — немного смущало. При этом факт покупки двух пар обуви радовал, потому что... преступно не купить такие туфли, один носок которых стоил моей дополнительной работы, а ведь там был еще и каблук — изящное, ажурное чудо. Так что тот факт, что прямо сейчас у меня болит голова, живот, ноги, я хочу есть, и меня ждет ночная работа — не может пересилить радости от обладания двумя новыми парами обуви.

Ближе к дому мое несчастное настроение нагоняет меня, но я решительно настроена на оборону от него, потому что стоит только впустить малюсенький кусочек, как оно слопает

тебя целиком. Меня же лопать нельзя, у меня туфли, и я теперь блондинка, в конце концов. Блондинки всегда счастливы. Поэтому я решительно прохожу мимо магазинчика, в котором, я знаю, сейчас находится Егор, и иду сразу домой. Ведь стоит только увидеть серые глаза, как тут же захочется теплых рук, стоит ощутить руки, как тут же захочется дыхания в шею и «Привет, Василина...», а мне нужно работать... и бороться с несчастным настроением.

Поэтому, получив смс:

«ты не зашла, что-то случилось?»,

Я отвечаю:

«плохо себя чувствую».

Получаю:

«что болит?».

Подумав, честно отправляю:

«все» и «иду спать».

Я работаю всю ночь, засыпаю под утро, переворачиваясь, натыкаюсь на продавца, который сопит мне в волосы, крепко обнимая меня... Уткнувшись в его грудь, засыпаю снова, не удержавшись, легко поцеловав. Наконец просыпаюсь.

Егор сидит рядом, смотря в свой ноутбук, закусывая губу и хмурясь. Так мы и лежим. Я смотрю на Егора. Егор на монитор.

— Как ты? — выводит из задумчивости бархатный вопрос.

— Хорошо, — хриплый голос.

— Подожди, — оправляясь в сторону стола, который выполняет функцию, как кухонного, так и рабочего и, принеся мне чашку с каким-то травяным отваром, шепчет: — выпей и ложись...

Я пью.

— Что это?

— Это... не знаю точно. Но у тебя должно перестать болеть все... и может даже улучшится настроение, — укладывая мою голову на свои колени, делая массаж головы.

— Ты не знаешь, что и даешь мне? — не то что бы я была против.

— Настя всегда пьет этот чай... когда...

— Когда что? — шепчу я, но больше меня интересует его руки, которые перебирают мои волосы, и пальцы, которые слегка массируют кожу головы и шеи...

— Василина, я умею считать в пределах тридцати, — очень тихим голосом, — поспи еще.

— Двадцати шести, на самом деле, — отвечаю я, смотря на часы, понимаю, что Егору пора за Васей, вздыхаю, — тебе надо идти...

— Хочешь, чтобы я остался?

— Да...но... — и это эгоистично с моей стороны, но мое несчастное настроение не покинуло меня, а я уже ощутила тепло рук и шепот, и увидела серые глаза, и я в конце концов блондинка, они всегда эгоистичны.

— Хорошо... поспи. — Продавец ложится рядом со мной, укладывая мою голову на плечо.

Просыпаясь второй раз, я чувствую себя значительно лучше, видимо волшебный отвар помог, но скорей всего чудодейственным свойством обладают руки продавца, потому что до этого я пробовала различные отвары, гомеопатически горошки и даже прибегала к медитации.

Егор кормит меня ужином, под мой вопрос:

— Эй, ты знаешь волшебное слово? Потому что когда я заглядывала в холодильник, там точно ничего такого не было.

— Угу, знаю.

— И какое? — интересуюсь на всякий случай, все-таки очень удобная вещь в хозяйстве — «волшебное слово».

— Ты хочешь выведать мои профессиональные тайны, коварная женщина?

— Эй, я могу применить пытки...

— Это удар ниже пояса.

— Оооооо, вот именно о ниже пояса я и говорю... дааа... — забираясь на колени продавца, дергая пальцами причудливую пряжку ремня, под которую убегает дорожка волос, — именно о ниже пояса, — спускаясь ниже, — именно об этом.

Я проспала почти весь день. Поэтому большую часть ночи мне не спится, я лежу рядом с Егором, который рассказывает, по моей просьбе, о Васе, какой она была, когда была младше. О том, что ей никак не удастся запомнить дни недели, и она постоянно их путает с названиями месяцев «понедельник, воскресенье, январь», хотя времена года уже усвоила. У Васи хорошая память, она быстро учит стихи, знает свой адрес и номер папиного телефона, но вот дни недели путает. А еще цвета — голубой и оранжевый. Это довольно забавно, но Вася их путает, как и номер этажа, на котором мы живем. Она знает цифру восемнадцать, но всегда говорит, что живет на пятнадцатом. Еще она, когда пишет буквы, зеркалит их, то есть пишет в обратную сторону, и хотя рано волноваться по этому поводу, Егор переживает...

— Ты остался со мной... — шепчу я, в квартире тихо, за окном темно, видны только белые хлопья снега в отблеске строительных кранов, когда-нибудь я повешу красивые шторы...

— Остался, — так же тихо, видимо тихий тон кажется правильным нам обоим.

— Где Вася?

— У Насти...

— А кто её с садика забирал?

— Эм... я попросил, знакомую... она потом к Насте отвезла её..

— Знакомую? — почему-то мне не нравится слово «знакомая», видимо оттого, что я теперь блондинка, они всегда ревнивы.

— Эй, Василина, ей шестьдесят лет.

Конечно бывает разное, об этом постоянно рассказывают по телевидению и в интернете, но продавец не кажется заинтересованным в шестидесятилетних знакомых, поэтому я облегченно вздыхаю...

— Почему ты остался?

— Ты попросила меня... я так мало могу тебе дать, Василина, того, что ты заслуживаешь... мы даже не ходим никуда... у меня нет времени.

— У меня его тоже нет... И ты даешь... ты остался сегодня, — не знаю почему, но мне очень нравится думать, о том, что он остался со мной и моим несчастным настроением, сделал мне чай и даже сказал волшебное слово холодильнику, после которого там появились продукты. По большей части те, что я люблю... и два граната.

— Василина, мы никогда не говорили об этом. Тебе так необходимы эти три работы, а прошлую ночь ты потратила на четвертую?

— Ну... я купила туфли, там ажурный каблук, фантастический.

— Сколько тебе еще платить за квартиру?

— Полтора года. У меня потребительский кредит, мне не так много и не хватало... там ставка больше, зато быстрее отдам, и нет страховок... и всей этой ипотечной ерунды.

— Логично... Вася, тебе нужно отдыхать.

— Ну, я отдыхаю, сейчас, с тобой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Какое-то время мы молчим, я смотрю на большое окно, на снег и думаю о том, какие бы подошли шторы, наверное, в несколько слоев было бы лучше. Еще думаю о том, каков будет вид из моего окна, когда построят соседние дома, будет ли из одного окна видно жильцов другого... и как же я буду вылетать на своем Пегасе-пони и останусь при этом незамеченной.

— Василина, я бы хотел помочь тебе... давай... я оплачу часть твоего кредита?

Я смотрю на Егора так, будто у него вырос хвост или рога, или вместо носа появился свиной пяточок. Разве предлагают такие вещи? Я имею ввиду — это очень странно. Мы, конечно, пробуем, и нами опробовано уже очень много, но оплатить кредит — это превосходит по интимности знакомство заводного петушка и Егора.

— Нееееет... — я не слышала о подобном, но видимо такое все же существует. — ПМС заразно, — говорю я, иначе чем объяснить такое странное предложение? — У тебя Вася, купи ей что-нибудь, купи этого Блум или Энчактиса, уверена, они довольно дорогостоящие ребята, или еще что-нибудь.

— Эм... давай я куплю твой сон. По-моему, это вполне приличное капиталовложение.

— У меня высшее экономическое образование, и я могу тебя заверить, что это сомнительное капиталовложение.

— У меня почти высшее, и я уверен, что оно лучшее...

— Так у тебя же диплом, — ухожу я от темы. К тому же, могу точно сказать, что продавец даже не пытался его писать, я бы знала.

— Угу.

— И?

— Ну, я скачал что-то...

— Покажи!

— Что?

— По-Ка-Жи, — включая «учительский тон».

— Смотри... — растерянно, все же вечерников всегда так легко запугать.

Через время, вернув глаза в свое обычное положение, а не круглое, какими они были при беглом прочтении скаченного, говорю:

— Послушай, ты бы хоть скачивал не по первой ссылке! Кто твой руководитель? Ты не сдашь... Никогда... Не это...

— Точно?

— Мне бы ты точно не сдал...

— Я умею убеждать...

— Я умею быть принципиальной, — и это правда, — давай я напишу тебе.

— Вааася, меня завалят на первом дополнительном вопросе, ты такая чертовски умная, Василина, — целуя меня, — Умная... и Красивая... и Принципиальная... ты мне нравишься, очень сильно...

В итоге мы разобрались с дипломом, с госами и, когда после получения диплома,

который неясно, как может пригодиться в реальной жизни, Егор подошел ко мне у дверей деканата, подхватив и поцеловав при всех, я могла только рассмеяться ему в грудь. «Ну, ты теперь не мой преподаватель, если и была таковой две недели, так что я могу целовать свою девушку, где захочу». И мне понравилось, как звучит «моя девушка»

Я разрешила оплатить один взнос кредита, пообещав больше не брать ночных подработок свыше тех, что уже есть, пообещать не покупать дорогостоящую обувь я не могла. Некоторые истины остаются непреложными. К тому же, я так и осталась теплой блонди, а есть ли что-то важнее ажурных каблучков для блондинки? Я имею ввиду, кроме ажурных чулок, конечно, потому что, когда я показала это кружево на мне, мой продавец повесил на дверь табличку «закрыто по техническим причинам», несмотря на самое посещаемое время, и причины длились дольше обычного — «я не хочу кончать, черт, так хорошо».

К концу июня я выучила с почти пятилетней Васей все дни недели, и она больше не путала их с месяцами года, также она уверено называла свой этаж, номер телефона Насти, знала почти все буквы и читала по слогам целые слова. И я не проявляла принципиальность, когда, прочитав пару строчек в специально купленных книжках, Вася начинала «читать» сказку своими словами, правда зеркалить буквы при написании она так и не перестала, но у нас еще было время, чтобы решить это. К тому же, я была, наконец, представлена Блум с Энчактисом, это оказалась героиня странного мультфильма про волшебниц, которые очень откровенно одевались, зато у них выросли крылья, которые и были этим Энчактисом. Время старых добрых Барби кануло в лету... — подумала я с грустью.

— Василина, мы едем на дачу к родителям на три дня, поедem с нами?

— К родителям? — я знала, что родители Егора и Насти работали в другом городе, поэтому не могла скрыть своего удивления.

— Да... они вернулись, говорят, совсем... Поехали?

Отчего-то мне стало страшно, наверное, каждой девушке страшно знакомиться с родителями своего парня. Последний раз я знакомилась с родителями своего парня, когда моим парнем был мой одноклассник, и я знала его маму еще с садика, куда мы ходили вместе с этим парнем. Так что официальным знакомством это считать нельзя, к тому же все наше «встречание» сводилось к поцелуям, как я теперь понимаю, вполне невинным, и мы точно знали, что уехав из нашего городка, мы вряд ли пересечем, как пара, я имею ввиду.

Чего я не могла сказать о Егоре и нашем «встречаемся», наши поцелуи определенно не были невинны, и я понятия не имела, куда они нас заведут и заведут ли... в се это было смущающим, даже неловким, я чувствовала себя четвероклашкой, впервые примерившей лифчик.

— Эй, — вывел меня из задумчивости бархатный голос, — я просто хочу провести время с тобой... там у Васьки будет достаточно нянек, поехали, Василина... — и его руки гладят меня по лицу, по шее, губы шепчут «поехали», и я решаю поехать. Я взрослая женщина и могу провести выходные со своим мужчиной в доме его родителей.

Ехать часа два, все это время Вася крутится в своем кресле, бесконечно задает вопросы про бабушку и дедушку, просит мой телефон поиграть, потом папин, потом засыпает, прижимая к себе изрядно потрепанного Маню.

Мы подъезжаем к обычному двухэтажному дому из красного кирпича с крышей из черепицы, с ухоженной лужайкой и цветами. Это выглядит красиво, но странно, ведь цветы не растут сами по себе, и видимо вопрос самополива цветов занимает меня на какое-то время, потому что я не вижу, как Вася выскакивает из машины и бежит к калитке, хлопая ею, с криками: «Дедушка!»

— Василина?

— Василина?

— Василина, — слышу я с третьего, как я думаю, раза, — Вася... пойдём?

Я уже порываюсь встать, как руки притягивают мое лицо, и я ощущаю невесомый поцелуй, который тем не менее совсем нельзя назвать невинным, потому что через время мои глаза закрываются, а между моих губ оказывается язык Егора, который я с готовностью принимаю, кажется забыв, где мы... Открывая глаза, я вижу через лобовое стекло красивую женщину. Я зажмуриваю глаза, решив, что эндорфины в моей крови сыграли какую-то шутку, и я брежу, но, открыв их снова, я вижу эту же женщину. Она одета в простое платье, на ногах у неё сланцы, но выглядит она так, словно только сошла с подиума или рекламы фешенебельной мебели.

— Пойдем...

— Привет, мам, — мои глаза стараются не вылететь из орбит, потому что, уверена, мне нужны мои глаза, но эта женщина никак не может быть мамой Егора, в смысле, она вообще не может быть мамой... Она может быть бестелесным фееобразным существом, но никак не мамой, которая заботится о красоте клумб на лужайке рядом с двухэтажным кирпичным домом.

— Мам, это Василина. Василина, это моя мама Анжела...

— Просто Анжела достаточно, детка, — обращаясь к Егору, переводя на меня взгляд.

«Детка»? Мама Егора — Крестная Фея, за пазухой у которой наверняка лежит пара-другая хрустальных туфелек и эксклюзивный парфюм, называет двадцатисемилетнего обладателя самой аппетитной задницы «детка»... Мир сошел с ума.

— Рада с тобой наконец-то познакомиться, Василина, пойдём в дом и зови меня по имени, пожалуйста, меня очень смущает отчество Сигизмундовна...

В этом есть резон, меня бы тоже смущало. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть Егора и убедиться, что это не шутка, но вижу только его задницу, потому что он нагнулся за вещами в багажнике. У «Октавии» очень большой багажник.

На крыльце дома я увидела мужчину, обыкновенного мужчину и наконец-то поняла, что я не в параллельной вселенной, созданной специально для крестных фей.

— Василина? Очень приятно. Я Сергей, отец того обормота, который привез тебя сюда, за что я ему очень благодарен. — Он приобнимет меня совсем немного, потому что у него на руках сидит Вася и стучит по голове Маней, который танцует веселый танец на седых волосах Сергея.

Теперь мне становится понятно, откуда в правильных чертах лица Егора присутствует грубоватость, от кого у него такие невероятно глубокие серые глаза и улыбка, которая может растопить ледники Ледовитого океана. Мне нравится, как выглядят лучики морщин вокруг глаз отца Егора, и я ловлю себя на мысли, что очень хочу когда-нибудь увидеть такие же вокруг глаз своего продавца.

Позже меня знакомят с бабушкой Егора и Насти, и меня ждет еще одно потрясение, потому что передо мной стоит мама феи крестной. На ней соломенная шляпа с огромным пионом и лак на ногтях в цвет этого цветка. И я всерьез задумываюсь о возможности клонирования человека, и была ли на самом деле овечка Долли первым опытом или женщины этой семьи все же стали первыми экспериментами.

— Называй меня Антонина, Василина.

— Вас тоже смущает отчество? — спрашиваю я.

— По большей части, меня смущает мой возраст, хотя отчество Петровна еще хуже, чем Сигизмундовна, — заговорщицки шепчет мама феи крестной.

Когда поодаль от беседки, где Вася играет со мной в морской бой, я наблюдаю, как у барбекю собрались три поколения женщин, а рядом улыбается Егор своей невероятной улыбкой, у меня складывается впечатление, что я наблюдаю за ожившей рекламой, где неприлично красивые люди на фоне неприлично синего неба рекламируют здоровый образ жизни.

— Немного жутко смотрится, правда? — сказал подошедший Сергей.

— Что есть, то есть... — честно отвечаю я.

Сергей смеется.

К вечеру мне нет дела, красивы ли женщины семьи Егора, потому что к красоте привыкаешь так же быстро, как и к некрасивости, и на первый план выходят привычки человека.

Анжела, проходя мимо своего мужа, задевает его рукой, плечом или попой.

У Насти удивительно живая мимика, в процессе разговора она изображает хомяка, ленивца и порой хищную кошку, потом смеется и не перестает спорить с братом, разговаривая слегка свысока, несмотря на то, что он всегда во всем с ней соглашается.

Антонина, та, что Петровна, шевелит ушами. Это кажется забавным, даже отчаянно смешным, когда женщина элегантного возраста вдруг подмигивает правнучке и начинает шевелить ушами, отчего Вася сначала смотрит, открыв рот, а потом взрывается смехом, прыгая у меня на коленях, и я опасаюсь, что она раздавит их. Все же она довольно рослая девочка, и теперь я точно знаю, что она вырастет с такими же стройными клонированными ногами.

Но главное — Егор шепчет мне на ухо: «Давай потанцуем».

И мы танцуем. Босиком. На мягкой траве.

Не обращая внимания на его семью, потому что я ни на что не могу обращать внимание, когда меня окружает кокон из рук продавца, я слышу размеренный стук его сердца, и тихое шептание «спасибо, что поехала со мной, Василина».

Я уже достаточно утомлена и, по большей части, возбуждена. Скорей всего, это эффект от травы под голыми ногами. Вася спит, и Егор сказал, чтобы я поднималась в комнату, его бывшую комнату, но которая до сих пор «числится» за ним, как моя комната в квартире родителей «числится» за мной, и выложила вещи из сумки в комод. Мне кажется вполне уместной такая просьба, ведь чем раньше я доберусь до тела своего продавца, тем лучше.

Егор также уточнил, на всякий случай, что в доме отличная шумоизоляция, а на втором этаже только мы и Настя, но она вряд ли будет ночевать дома, «соскучилась по подружкам».

Бывают странные моменты, когда ничего, кроме как «ничто не предвещало» сказать нельзя. Открывая верхний ящик комода, я увидела много фотографий, очень много, фантастически много. Наверное, если распечатать все мои фотографии за всю мою жизнь, включая случайные и общие — такого количества не наберется.

Не надо сильно всматриваться, чтобы понять, кто на этих фотографиях. Вася сильно похожа на свою мать.

Фотографии, где совсем юная, невероятно стройная девушка стоит на фоне зелени и неба, где Егор обнимает её, где держит на коленях, где целует в шею, где кружит её на руках, где она в свадебном платье и, несмотря на свой очевидный живот, она всё еще невероятно стройная, фотографии, где их губы переплетаются... Где малюсенькая Вася сидит на руках все так же стройной девушки...

Это похоже на подглядывание в замочную скважину, я не могу отделаться от ощущения, что увидела то, что не должна была видеть, как если случайно прочитать чужую переписку или стать нечаянным поверенным тайн... От этого странный холодок бежит по позвоночнику, но руки перебирают фотографии отдельно от моего мозга. Кинопленка... Это не должно меня удивлять или злить, ведь я каждый день вижу итог этой связи, я учу этот итог читать и разрешаю откусить кусочек теста на вареники.

Именно этот итог целует меня обязательно на ночь, даже если я ночую одна дома, придя за руку с Настей. Именно глаза этого итога смотрят с фотографий, оставленных в верхнем ящике комода...

— Прости, — слышу над своей головой.

Меня одергивает. Есть правило: никогда не разговаривать с человеком о том, о чем он не готов говорить. Егор никогда не рассказывал о своей жене и почему он остался один с Васей, я не спрашивала... Не то, чтобы я не задавалась вопросом... Просто — высшая степень непродуктивности задаваться вопросами, на которые тебе не спешат ответить — так всегда говорит мой папа. Он, чаще всего, прав.

Быстро одернув руки от фотографий, я говорю быстрое:

— Прости, прости, я... я... я должна была сразу закрыть... мне жаль, правда, — мой голос звучит как-то странно, но я же не собираюсь заплакать... наверное... просто мне стыдно... отчего-то.

— Василина, прости, я забыл про них.

— Ничего... — я все еще не собираюсь плакать, просто мне стыдно, как бывает стыдно, когда увидишь что-то, что не предназначалось для твоих глаз.

— Дай пакет, я сожгу их, — и я наблюдаю, как фотографии безжалостно отправляются в большой полиэтиленовый пакет, лишь изредка серые глаза скользят по ним, а иногда и пальцы.

— Подожди, подожди, — вдруг вспоминаю я. — Ты не должен! Василиса, она начнет спрашивать... понимаешь? Это важно... мне кажется, верней, я не уверена... оставь их тут, где они лежали... это не имеет значения... да, это не имеет значения для меня... — я же не собираюсь плакать.

— Уберу их на чердак, — кидая последнюю фотографию в огромный пакет, разворачиваясь спиной ко мне.

Выглядывая в окно, я увидела силуэт продавца и огонек сигареты в беседке. Ситуация

стремительно выходила из-под контроля, я не видела, что бы Егор курил до этого... Все это довольно неприятно и сюрреалистично, но думаю, что для Егора это не менее странно, а, скорей всего, даже больше, ведь это не я осталась одна с ребенком...

В моей голове начинают стремительно крутиться вопросы, я совсем не уверена, что смогу их не задавать, но так же я уверена, что мне обязательно нужно спуститься к Егору.

— Почему? Почему ты остался один? — не выдерживаю я, — Я имею ввиду твою семью... и жену, конечно же...

— Я не уверена, что тебе захочется это знать, Василина.

— Может... все же?

— Ты же все равно будешь задаваться этим вопросом, не так ли?

— Скорей всего, — признаю я.

— Лёльке... я так называл Алёну, не было шестнадцати, когда мы познакомились.

— Шестнадцати? — кажется, мне не удастся скрыть удивления.

— На самом деле, ей только исполнилось пятнадцать... — сглатывая, произносит продавец.

В моей голове судорожно отсчитывается счетчик времени... Егору 27, Васе почти 5, значит на момент рождения ему было 22...

По сравнению с пятнадцатю — это пропасть, хотя... ну, не сразу же у них появился ребенок... я имею ввиду... Но пятнадцать лет? Ради бога. Это же ребенок!

Я молчу...

Я молчу... Не мне судить, к тому же, я не знаю всей истории.

— Я увидел Лёльку на генеральном прогоне, она шла ровно на меня, потом подмигнула и... в общем, потом я уже мало что понимал. Все были в ужасе, в шоке... Мне было все равно... Я слетел с катушек... бросил академию... Все, что я хотел, быть с ней...

— Академию?

— Я учился в ветеринарной академии... неважно... Она не хотела принимать таблетки, боялась потолстеть, а я... был идиотом, мне нужно было во что бы то ни стало чувствовать... Она забеременела, я не знал, я не знал, пока это не стало очевидно и слишком поздно... я отвез её к врачу, договорился... она несовершеннолетняя... но я договорился, но было уже поздно.

— Ты хотел, то есть ты не хотел...

— Я не хотел ребенка. Мне нужна была Лёлька, а не ребенок. Потом я нашел другого врача... Лёлька из неблагополучной семьи... знаешь, формально... у неё только мать... так что несовершеннолетняя мать-одиночка из неполной семьи вполне подходит под социальные показания... и приличная сумма денег, конечно же... Но она не захотела.

— Она хотела ребенка?

— Нет, она просто боялась... просто боялась, это больно, преждевременные роды больно... словно от этого ребенок рассосется, и роды в срок не будут болезненными... Ей не было шестнадцати... так глупо... И я, как честный человек... хотя никогда им не был.

— Не был?

— Эм... у меня были проблемы с моногамностью... понимаешь? У неё тоже, но я Это начал. И мог бы остановить, наверное... мог... не стал...

— Проблемы с моногамностью?

— Я не хотел быть с одной женщиной, даже с Лёлькой... — и это «даже» мне совсем не понравилось. Я имею ввиду, о таком же предупреждают, или нет? Например, «Привет, меня

зовут Егор, и я изменяю своим женщинам». Мы никогда не обсуждали этот вопрос, отчего-то это казалось очевидным, но очевидно только то, что это не всем очевидно.

— Я был таким сладким красавчиком, а вокруг подруги Насти и Лёльки... После рождения Васьки стало еще хуже, я попросту не приходил домой... А должен был, ей было шестнадцать... она не понимала ничего... я тоже, когда потом видел её то с одним, то с другим... Потом она попросту ушла... а потом и вовсе уехала, подписав отказ от Василисы... Настя увезла нас в один день к родителям, но это мало помогло. Меня не было три месяца... Три... я ничего не помню из этих трех месяцев, только то, что мне было жаль себя, я не хотел ребенка, не хотел, и меня кинули с ним! А она мелькала и мелькала на страницах журнала... и это сводило с ума... Пока отец не сказал, что лишит меня прав на Василису, и он бы это сделал.

— Каак?

— Хм, достаточно было пары анализов, чтобы признать меня неблагонадежным. Он дал мне пару месяцев, что бы я разгреб все, что наворотил или убирался из их жизни с Василисой. А Васька... она маленькая... беспокойная была, она и сейчас бывает ночью плачет, ты знаешь, но тогда... я приходил домой, и бабушка укладывала мне на грудь Ваську, даже если я был в дымину... и сидела рядом, Васька засыпала, цеплялась своими ручонками за мои волосы... Мне некуда было идти... бабушка продала свою квартиру, отдав деньги нам с Настей, сказала, что вечно жить не собирается, а деньги нам нужны сейчас... так что большую часть времени она теперь живет на этой даче. Мы купили две квартиры и взяли в аренду два магазина. Настя передумала быть моделью после... после... неважно... Я бы не справился без Насти, никогда.

За время монолога Егор выкурил едва ли не пять сигарет, а сейчас смотрел в одну точку... Я смотрела в ту же точку, пытаюсь найти там что-то.

— Эм, Егор... у тебя и сейчас эти проблемы?

— Какие именно, Василина? С алкоголем? Со съехавшей крышей?

— С моногамностью... для начала... — отчего-то хочется прояснить этот вопрос, другие вопросы тоже крутятся на языке, но это вопрос вылетает первым. Я взрослая женщина и должна знать правила игры, даже если после проигрыша, а в нем я уверена — пять выкуренных сигарет и целый ящик фотографий довольно красноречиво говорят об этом.

— Василина... Вася, — его руки на моих руках, — Вася, я не изменял тебе и не собираюсь, я знаю, что такое терять и боюсь потерять тебя... пожалуйста, останься со мной, Василина.

— Но ты же... ты... — а вот теперь я действительно плачу, — ты любишь свою Лёльку.

— Нет, Василина, нет. Не один наркоман не любит свой наркотик. Она не имеет значения для меня... больше никогда не будет иметь, мне страшно потерять тебя.

И хотя он не говорит слов «я люблю тебя» или «ты особенная», я верю ему... ведь в конечном итоге он справился. Егор не хотел ребенка, но теперь он души не чает в своей Ваське, и даже когда он приходил под утро, пьяный, Васька спала на его груди... а эта девушка, его наркотик... ведь излечиваются от любой зависимости, мне хочется так думать, поэтому я шепчу ему...

— Давно не танцевал? — и включаю музыку на своем телефоне, делясь с ним наушником, которого, конечно не хватает из-за разницы в росте, и он попросту поднимает меня, обернув свое тело моими ногами и отвечает:

— Давно...

Тот самый кусочек

Егор.

(через неделю после знакомства с родителями)

— Егор?

Черепно — Мозговая. Открытая.

Лёлька.

Все та же.

Её рука на моей руке.

— Дай ключ от машины.

Моё сознание — Крыса. Она — Нильс с дудочкой.

Иду.

Лобовое стекло.

Отражение.

Память.

Я вижу тебя в кремовом платье, ты кружишься на дорожке, освещенной одним единственным фонарем, завихрения мотыльков над головой. Она — мотылек. Я — её свет.

— Так будет всегда? — говоришь ты.

— Всегда, — вторю тебе я.

Мы курим одну на двоих. Блестки с твоих волос осыпались на лицо. Твой блеск для губ пахнет малиной. Она — малина. Я — её сорвал.

— Так будет всегда? — говоришь ты.

— Всегда, — вторю тебе я.

Ты запуталась в простынях. Сливочного оттенка. Как твоя прохладная кожа.

Твоя кожа — персик. Я — нож, рубанувший до косточки. Сладкий сок стекает мне в рот.

— Так будет всегда? — говоришь ты.

— Всегда, — вторю тебя я.

Центр города. Отель.

Лифт.

— Что мы делаем?

— Мы? Стоим... — пальцем по... действительно стоим.

Моё тело — Крыса. Она — Нильс с дудочкой.

Номер.

Глаза в Глаза. Тонкие пальцы. Холодные.

— Что ты хочешь, Алёна?

— Тебя...

— Меня?

— Тебя...

— Ты появилась через четыре года, и всё, что ты хочешь... это меня?

— Почему нет, Егор?

Губы.

На моей шее.

Прижимается.

Не такая...

Холод.

Прозрачные пальцы расстегивают мои джинсы.

Моё тело — Крыса. Она — Нильс с дудочкой.

Дергаю за волосы. Разворачиваю.

— Хочешь меня, Алёна?

В ухо.

Белья нет. И не было.

Ты не готова. Даже рядом.

Плевать.

Моё тело — Крыса.

— Хочешь? Бери...

Одним рывком.

Больно. Тебе больно.

С каждым толчком тебе больно.

Больно за каждый всхлип «мамочка».

Больно за каждое чертово восьмое марта.

Больно за каждый вопрос «почему»

Больно за каждый мой ответ.

— Хочешь? Бери...

— Мне больно, Егор!

— Хм...

— Перестань...

Слезы.

Щекой в стену.

Волосы на кулак.

— Ты можешь меня попросить, Алёна, я помню, как сделать тебе приятно.

Моё тело — Крыса.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста, перестать?

Сильно за волосы. Сильные качки. Извращенный секс. К черту подготовку. Меня не готовили.

— Пожалуйста, сделай приятно...

Отлично.

Мое тело — Крыса.

Давится моими пальцами.

Пальцы знают, что делать. Помнят точки. Добавляют стимуляции.

Финиш. Вместе.

— Ты — дрянь, Алёна.

— Ты пожалеешь об этом, Егор!

Тебе больно. До сих пор. Тебе будет больно. Долго.

Я УЖЕ жалею об этом.

В пиве слишком много виски.

Такси слишком медленно едет.

— Настя...

— Мудак.

— Что это?

— Марганцовка, пей, я не хочу, чтобы ты сдох.

Не важно.

Я сдох.

Я уже сдох.

Для этого не нужно блевать желчью.

До того дня я не подозревала, что слово «прости» настолько бесполезный и ничего не значащий звук. До дня, когда выйдя из дома, я столкнулась со спиной Егора, который, даже оглянувшись на меня, покорно шел за своей Лёлькой. А в том, что это была именно она, не было никаких сомнений, даже если бы я не видела фотографий, на которые наткнулась не более недели назад. Вася очень похожа на свою мать.

Поднявшись в свою просторную квартиру, я дала волю своим слезам, своей обиде, своей злости, своему отчаянию, решив, что имею на это полное право, отмерив себе на эти эмоции ровно остаток дня и ночь. Так что к утру и своему первому бесполезному «прости», хотя мое лицо было опухшим от слез, я уже приняла единственное возможное решение, верней его приняли за меня, мне же осталось только согласиться с этим решением, что я и сделала.

Услышав поворот ключа, я напряглась, но не повернула голову в сторону двери — было очевидно, кто пришел.

— Василина, — сидя напротив меня, пока мои руки ищут что-то интересное в кружеве ночной сорочки, — Василина, — шепотом, — пожалуйста, прости меня.

Какая бессмыслица. Абсурд. «Прости». За что?..

— Отдай мне ключ, — было моим ответом, отчего-то осознание, что продавец может войти ко мне в любую минуту, не приносило больше радости.

— Что? Вася, прости меня, — тянет руку, я отпрыгнула дальше, чем могла предположить.

— Эй, ты же не левша, не протягивай ко мне свою правую руку!

— Василина, прости меня, прости.

Когда-то давно я смотрела фильм, в котором говорилось «тебе все равно, где до этого были его губы». В этот момент я поняла, что мне совсем не все равно, где побывала его правая рука, и я определенно не имею намерения мыться год с доместосом для туалета. Во-первых, я не унитаз, во-вторых, я не слишком в этом уверена, но почти наверняка от такого количества хлорки кожа облезет, а жить без кожи совсем некомфортно, как мне кажется.

Поэтому мое внимание сосредоточено на его правой руке, которая пытается дотронуться до меня.

— Отдай мне ключ, — наконец произношу я, не выпуская из поля зрения руку.

— Васелина, послушай же меня!

— Ключ мне отдай.

— Хорошо, возьми ключ, — протягивает. Правой рукой.

— Положи на стол, нет! Не на стол, в раковину положи... — протягиваю ключ от его квартиры, — забери.

— Вася, оставь, на всякий случай...

— На какой случай? Какой случай? Может, подскажешь?? Потому что я никак не могу придумать... может, тот случай, когда ты приедешь со своей Лёоолькой, или на случай, когда у неё миллион пропадет из сумочки? Забери ключи и иди. Все.

— Василина...

— ВСЁ!!! — переходить на визг, без сомнений, некрасиво, но и уезжать на моих глазах с бывшей женой тоже не очень красивый жест, так что, полагаю, я имела полное право

перейти на визг и выдворить продавца взащей, бросив ему в след ключи.

В последующие восемь дней до моего отпуска я услышала «прости» сорок девять раз.

«Прости» было на открытках, которые я находила под дверь своей квартиры не один раз за день. Миленькие открыточки, с милыми котятками, щенками, мульташками и прочими атрибутами раскаяния, которые вызывают улыбку, когда в канцелярском магазине разглядываешь их в попытке убить время, но не когда тебе на самом деле говорят это «прости».

Нас постоянно, с детства, учат просить прощения, наряду со словами «здравствуйте» и «пожалуйста», большая часть этих слов произносится автоматически — «что желаете», «спасибо, что без сдачи». Сейчас — это «прости».

«Прости» было в цветах, которые я, по закону мелодрам, должна была выкидывать сразу по уходу курьера, но я не могла. Видимо, у героинь фильмов нервы сделаны из стали, потому что я не могла выбросить эти букеты — большие и маленькие, моно и сборные, в корзине и нуждающиеся в емкости с водой.

«Прости» я услышала в тот же день, когда бросила вслед Егора ключи от его квартиры, услышав вечером звонок и увидев Васю за руку с Настей.

— Прости, но она никак не хотела ложиться спать.

— Ничего...

Мы поболтали с Васей, с Маней, поделились последними секретами и, расцеловавшись на ночь, отправились спать каждая в свою квартиру.

Тогда я задумалась о том, как же переносят развод пары с детьми... довольно сложно объяснить ребенку, почему появление на пороге моей квартиры не выглядит уместным. С другой стороны, это пятилетняя девочка, почему я не могу поболтать с ней на ночь? Тем более, отчего я должна отказывать себе в беседе с плюшевым медведем, я привязалась к нему и, похоже, он ко мне тоже. И уж точно он не уйдет на моих глазах со своей бывшей женой, если таковая имеется. Надо было уточнить у Васи, на всякий случай.

Через несколько дней я решила, что уже вполне оправилась от потрясения и могу спокойно зайти в магазинчик, чтобы купить молока, но моей храбрости хватило только на пару шагов. Как только я увидела серые глаза, изучающие витрину, всю мою отвагу, как кошка языком слизала, так что я попросту убежала, верней, сделала попытку, потому что в следующее мгновение меня держали идеальные руки и сам факт того, что руки по-прежнему были идеальные, и одна из них по-прежнему была правой, нервировал меня.

Я услышала еще три «прости» между «Василина», «Вася», «пожалуйста» и «что мне сделать?».

— Ты просил попробовать. Мы попробовали. Не получилось. Вопросы? — сказала я на редкость ровным голосом, мысленно глядя себе по голове, ставя себе зачет экстерном и пометку не заходить больше в магазинчик.

Действительно, все о чем просил меня продавец — это попробовать. Не получилось. Со мной подобное происходило и раньше. В первом классе я пробовала метать ножики в дерево во дворе бабушкиного сада, и у меня не получилось. В четвертом я хотела заняться легкой атлетикой, и целых два года тренер пытался найти применение моей абсолютной неспортивности и проблемами с крупной моторикой, как оказалось — безрезультатно.

В шестом же классе я пыталась заняться беговыми лыжами. После того, как была сломана вторая пара, стало очевидно, что и эта проба не увенчалась успехом. Попытка встать на сноуборд и вовсе закончилась печально — я умудрилась отбить себе копчик,

несмотря на защиту в виде смешных шорт с пластиковыми вставками. Так или иначе, люди постоянно что-то пробуют, и у них это не получается. Бывает, что их ждет успех. Меня ждал успех в вышивке крестиком, в бисероплетении и даже в математике и робототехнике. Так что... неудачная попытка с продавцом не могла приравняться к глобальному поражению, во всяком случае, я решительно была настроена не чувствовать подобного.

Но чувствовала.

Собирая новый чемодан на колесиках, отправляясь в отпуск, я была настроена хорошенечко отдохнуть, чтобы вернуться осенью в свою просторную квартиру, насыщенной новыми впечатлениями и жизненными силами, заодно с клубничным вареньем и черной смородиной, протертой с сахаром.

Проходя мимо детской площадки, услышала детское:

— Василина!

Я не могла проигнорировать этот голосок, позволив ручкам в песке обнять меня, а потом вести к своей скамейке рядом с качелями, на которых сидела Настя и внимательно смотрела на меня.

— Едешь домой? — спросила тёзка.

— Да, детка, — отметив про себя, что, наверное, странно называть её теперь «детка».

— А далеко ты живешь? Тот дом, куда ты едешь?

— Да, надо ехать на поезде.

— Тебя там ждет папа?

— Да, — «и мама» подумала я, но не сказала.

— У тебя красивый город?

— Наверное.....

— Покажешь Мане? Он хочет поехать с тобой! — обернувшись вокруг себя, выхватывая Маню из рук Насти, отдавая мне, — только он без одежды...

— Давай я его в косынку свою одену, но ты уверена, что Маня хочет поехать со мной, разве он не будет по тебе скучать?

— Будет... Но ты скоро вернешься!

Мы завернули Маню в мою шелковую косынку, усадили в мою сумочку, и я отправилась было на вокзал, когда меня догнала Настя.

— Василина, прости меня. — Еще одно «прости» в копилку. — Это я виновата, я не предупредила.

— Что?

— Я узнала, что Алёна приехала, но не думала, что она в тот же день заявится... он не был готов...

— Аааааа, это все объясняет, — и это прозвучало ехидней, чем задумывалось. — Ничего страшного, ты конечно не виновата... если твоего брата надо готовить к приезду... я имею ввиду, она же мать Василицы... я не злюсь, то есть злюсь, но в этот раз на моем копчике нет трещины...

— На копчике?

— Угу... пока.

Моя рука в задумчивости чесала за ухо Маню, когда я подумала, что понятие «скоро» у детей и у взрослых разное. Верней, я не была уверена, что Вася верно понимает это слово. И есть у него верное восприятие. Мы с ней выучили дни недели и отсчитывали на большом настенном календаре дни до какого-либо события, но как отсчитать дни до «скоро»?

Поэтому мне пришлось обогнуть дом и зайти в магазинчик, где я вытащила Маню из сумки и протянула продавцу.

— Вася дала мне его, в гости, но думаю, она скоро захочет его обратно, — сажая медведя на стеклянную витрину.

— Спасибо, — серые глаза смотрели ровно в мои глаза. — Василина, прости меня, пожалуйста, прости меня.

Еще два раза.

— Прости меня, прости, пожалуйста.

Еще два раза.

— Что мне сделать, Василина?

— Иди к черту! — грубо, зато честно, ответила я и, схватив чемодан, пошла к остановке, идти в этот раз пять остановок мне совсем не хотелось, отчего-то.

Дом пах домом. Дома было лето.

Наш городок совсем маленький, узенькие улочки центра причудливо вливались в более широкие улицы новостроек резко заканчивающимся асфальтовым покрытием и частным сектором, где «дачи» соседствовали с «жилыми домами».

Я бродила по городку, по извилистым тротуарам, которые бежали вдоль домов, отгороженных от проезжей части зарослями кустарников, давно не стриженных, а некогда ухоженных. Мне не хотелось бесконечно сидеть дома, ведь тогда мои ноги то и дело несли меня к компьютеру, на свою электронную почту, где ждали письма, которые я не открывала, но тема была бесконечно знакома и бессмысленна — «прости».

Я сходила на несколько экскурсий — наш городок хоть и маленький, но древний, поэтому достопримечательностей в нем хватало, а потом решила съездить в крепость по соседству, чтобы заодно опробовать свой новый фотоаппарат, который подарил мне папа, просто так, без всякой причины. Наверное, все папы делают подарки своим дочерям без всякой причины. Егор постоянно дарил что-то Васе...

Рассматривая старую кладку так, будто нет ничего интересней на свете, я услышала за своей спиной забытое и до колеек знакомое.

— Вааася? Васька? Василина! Обалдеть! Это ты! Феноменально! С ума сойти Вааааська. — Я смотрела на своего друга детства, на первого официального парня и не верила своим глазам. Он определенно подросток, возмужал, было бы верным словом, но все же это был он — Сережка. Издав какой-то странный звук, я прыгнула ему на шею, услышав:

— Васька, все такая же сумасшедшая чудачка, дай-ка я на тебя посмотрю, — отпустив меня, разглядывая, но я не чувствовала себя неловко, абсолютно, — да ты совсем не изменилась, Васька! Блин, я рад тебя видеть, это, кстати, моя сестра, Машка, ты, наверное, помнишь.

Я помнила Машку, только тогда она училась в средней школе, а сейчас передо мной была взрослая девушка или даже молодая женщина, по всему выходило, что Машке двадцать лет. И они очень похожи с братом. Оба немного с рыжиной, бледные веснушки по рукам, у Машки совсем не идеальные ноги, с толстоватыми коленками, у Сереги такие же, у них одинаковые улыбки и ямочки на щеках. Они быстро говорят и постоянно смеются.

Наверное, их можно назвать клонированными, однако передо мной обычные люди, которые вызывают улыбку от радости встречи.

Мы долго болтаем, когда Сережа везет нас в город, вспоминаем одноклассников, делимся нехитрыми новостями друг с другом об общих приятелях, решаем, что непременно

надо встретится еще раз и устроить встречу одноклассников, хоть этим летом, пока и я, и Сергей, который теперь живет где-то на Севере, едва ли не среди вечной мерзлоты, в отпуске.

Когда на следующий день на пороге квартиры моих родителей объявился Сергей, я даже не удивилась, а была рада, что у меня теперь есть компания. Мы весело проводили время, вспоминая наши детские проказы, но чаще всего мы просто торчали на речке с песчаным берегом и сочной травой по обе стороны. Просто валяясь в тишине, греясь под солнцем, получая удовольствие от своего безделья. Сергей говорит, что это его первый отпуск за три года, все время что-то мешало. На вопрос, почему он проводит его тут, а не где-нибудь на Мальдивах, не похоже, чтобы инженер на Севере получал зарплату, как начинающий преподаватель ВУЗа, Серега, смеясь, рассказывает, как мамка, и мне смешно слышать это «мамка», плакала целый год, что ей некому переклеить обои в прихожей, поэтому, исполняя свой сыновний долг он приехал и переклеил. Обои упали на следующий день, и еще через день ремонт в квартире делали два мастера, но мамка всем подругам хвасталась, что «Сереженька с таким трудом выделил время, чтобы помочь нам с ремонтом».

Когда мы едим бутерброды с колбасой, на берегу реки, Сережа имеет обыкновение съесть сначала хлеб, а потом колбасу, на мой вопрос отвечает просто:

— Люблю растягивать удовольствие, — и это звучит не как ответ на вопрос о докторской колбасе.

Я наблюдала, как его рука двигалась по моей ноге и отчего-то не стала его останавливать, хотя и понимала, к чему это ведет, когда рука Сергея поднялась по моему животу к груди и остановилась там, а наши губы встретились. Мы уже целовались до этого, когда-то давно, но сейчас это ощущалось по-другому, по большей части по-взрослому и в меньшей мере неправильным.

Я решила придушить червячок сомнения в своем сознании. И я, и Сергей были взрослыми людьми, без обязательств и обещаний. Во всяком случае, у меня точно не было никаких обязательств, поэтому я решила, что от небольшого или даже большого поцелуя ничего не изменится.

— Поехали ко мне, — услышала я.

Конечно, переводить отношения со своим другом детства на другой уровень не входило в мои планы, но почему бы не пересмотреть свои планы? Я почти уверена, что потепления климата не случится, если я... если мы... в конце концов, я взрослая женщина, и у моего тела есть потребности, поэтому, нервно смеясь, я отвечаю:

— Поехали.

Как оказалось, Сережа действительно любил растягивать удовольствие, во всем. Видимо, со времен наших невинных поцелуев у него была обширная практика, потому что секс с ним приносит удовольствие, но не приносит удовлетворение. Это довольно странно, что эти два понятия раздвоились в моем теле и, почти засыпая на соседней подушке с Сергеем, я вдруг вспоминаю «наркоман никогда не любит свой наркотик» и «давай попробуем», и «прости меня», параллели так легко складываются в моей голове...

Егор был влюблён в Лёльку, как я влюблена в Егора, когда я остаюсь один на один с собой — я вынуждена признать, что влюблена в него. Секс с Сережей доставляет мне удовольствие, но не приносит удовлетворение, и это мало зависит от внешности, техники или человеческих качеств, видимо, так же чувствовал себя Егор, когда пытался «пробовать».

В итоге он поступил почти честно... он же ничего не обещал, только просил

попробовать... будет ужасно, если Сережа сейчас обманется так же, как я с Егором. Долго ворочаясь, я все же разбудила своего друга детства, мучимая угрызениями совести.

— Послушай, ты же понимаешь, что между нами... это... ну... не навсегда.

— Васька, ты как была чудачка, так и осталась.

— Понимаешь?

— Угу, давай спать.

— Дружеский секс.

— Ага, курортный роман, Васька, давай спать, чудачка ты...

На этом наш «большой разговор» можно было считать закрытым, потому что за две недели мы так и не вернулись к нему, по-прежнему проводя вместе дни, тогда к нам часто присоединялась Машка, и ночи, когда я получала удовольствие, но, к сожалению, удовлетворение по-прежнему обходит меня...

Дома же меня ждали мамыны оладушки, её смешливые поддразнивания и бесконечные письма на электронной почте «прости». Я перестала считать эти «прости», когда количество перевалило за двести, я по-прежнему не могла открыть хотя бы одно письмо.

Так же мой сотовый разрывался от смс, которые я удаляла, не читая, потому что боялась чего-то. Мне было жалко своего невесомого и временного душевного равновесия и жалко Егора, который искренне пытался, но все время его равновесие было столь же невесомым, и он так и не нашел со мной удовлетворения.

Выглядывая утром в окно, я решила, что мое равновесие все же пошатнулось вместе с психикой и сейчас играет с моим зрением в странные игры. Потому что на старых качелях во дворе пятиэтажки, с бельевыми веревками и зелеными столами, где вечером собирались мужики играть в домино, я увидела высокую фигуру. Фигура сидела, широко расставив ноги, раскачивая себя на качелях, в замшевых мокасинах, перекручивая идеальными пальцами рук ремешок на часах, в цвет обуви.

Чтобы убедиться, что это все же мираж, а мне срочно требуется психиатрическое обследование, я сбегала вниз по лестнице с третьего этажа и буквально врезалась в колени в темно серых, почти черных льняных брюках, которые держались на широком ремне с причудливой пряжкой.

— Егор, — говорю я, но это звучит даже тише, чем шепот.

Ловя взгляд серых глаз я слышу «Господи», я слышу «Василина», я слышу «Это ты», я слышу «Прости меня, прости», когда уже не вижу глаз, а вижу только затылок и чувствую сильную хватку рук вокруг моей талии. Я понимаю, что лоб продавца упирается мне в живот, а сам он стоит на коленях, бормоча что-то, похожее на молитву, из которой знакомыми кажутся только слова «Василина» и «Прости».

Я читала несколько книг, где поверженный герой-любовник стоял на коленях перед своей дамой сердца, и даже смотрела какой-то фильм, но я никогда не представляла себя на месте этой дамы. К тому же, антураж для съемочной площадки был сомнительным — одно постельное белье, колыхающееся на утреннем ветру чего стоило, но я не могу поднять своего героя-любовника с колен, потому что он только крепче держится и жарче шепчет:

«Прости меня»

«Прости меня»

«Прости»

Пока в ужасе я не понимаю, что стою посреди двора, где прошло мое детство, в маленьком городке, передо мной на коленях стоит красивый мужчина, а я все еще остаюсь маленькой провинциальной девочкой, которая не понимает, что делать в такой ситуации.

Без сомнения, что-то внутри меня ликует, но неприятие ситуации в целом побеждает, когда я практически визжу:

— Встань!

Я слишком часто визжу в присутствии продавца... А должна бы вальяжно накинуть ногу на ногу, позволить целовывать ему пыль с моих туфель, но на мне даже не туфли, а резиновые сланцы с бабочками у щиколоток.

— Нет... — слышу я ответ, уверена, что мой живот расслышал ответ лучше.

— Егор, встань, люди смотрят.

— Плевать... — моему животу тоже плевать, было бы лучше, если бы он шептал моему уху, а не животу...

— Мне не плевать.

— Нет.

И снова.

«Прости меня»

«Прости меня»

«Прости»

Мне пришлось опуститься рядом с ним, не на колени, и встретиться с серыми глазами. И замолчать. Никогда прежде я не видела плачущих мужчин... слезы в серых глазах пустили мурашки по моему телу, я не могла оторвать взгляд от этих переливов, было что-то завораживающее в этом.

— Как ты нашел меня?

— У вас очень маленький город, — шепотом.

— Зачем ты приехал?

— Прости меня, Василина...

— Я не знаю, я не могу...

— Прости, Боже... Василина... я не... у меня... я не спал с Аленой... — а вот теперя глаза не смотрят в мои.

— Ты врешь, Егор, вечерники всегда врут.

— Вру... Прости меня... прости, — его руки безвольно висят вдоль тела, а тело так и не поменяло своего положения.

Я сижу рядом на корточках. И все это скорее смешно, чем грустно.

— Где твои вещи? — наконец интересуюсь я, вспомнив, что он проделал немалый путь, а законы гостеприимства никто не отменял в нашем маленьком городке.

— Нет... я просто сел на поезд..... не знаю, прости меня.

Резко вставая, я дергаю Егора за руку, заставляя встать.

— Давай я тебя накормлю, что ли, и не знаю... может тебе в душ надо или еще что-то, ты с дороги... у меня есть запасная зубная щетка, правда она розовая, все мои щетки розовые... а эту я еще не успела распаковать, так что, думаю, тебе она подойдет... — говорю я, ведя за руку продавца в дом моего детства, останавливаясь перед приоткрытой дверью, — пошли.

Наблюдать за молчаливым Егором на нашей небольшой кухне очень странно. По его глазам видно, что они плакали, но родители не задают вопросов. Папа через время выходит, потому что ему в очередной раз позвонили, быть педиатром в маленьком городке — это значит, что у тебя никогда нет выходных. А мама суетится, предлагая наперебой то одно блюдо на завтрак, то другое, и я уже начинаю сомневаться, что передо мной в действительности сидит мой высокий сероглазый продавец, а не Робин Бобин, который съел теленка на обед. Уверена, такая диета не пошла бы на пользу аппетитной заднице. Но мама есть мама, она всегда пытается всех накормить, так что Егор не может быть исключением и, хотя в маминых глазах читаются вопросы, она убеждена, что сначала гостя надо накормить, потом уложить спать, а потом уже можно и зажарить.

Я спрашиваю, где Вася и узнаю, что на даче с бабушкой и дедушкой. Настя сейчас сильно занята «текущими делами», и Егору тоже «не до этого». Из моего рта чуть было не вылетает «еще бы», я видела своими глазами эти «текущие дела», уверена, наличие подобных ног и груди, которая откровенно просвечивалась сквозь шифон платья, рождает подобное «не до этого», но вовремя поймала себя, заткнув себе рот.

— Ну-с, молодой человек, какие у вас намерения в отношении моей дочери, — спрашивает мой папа, вернувшийся на кухню, и я знаю, что он шутит, но мысленно пририсовываю ему ружье и направляю на лоб продавца.

Немая сцена меня веселит, и я хихикаю, ловя на себе взгляд родителей, которые так же в ответ улыбаются.

Егор не улыбается.

— Серьезные, — я мысленно добавляю «сэр» и, хотя я знаю цену этим словам, мне все равно приятно, — если Василина позволит, — добавляет Егор. — Позже, — еще добавляет.

И меня задевает это «позже» в присутствии моих родителей, ведь это не я приехала к нему... мог бы и дальше играть роль героя-любownika в раскаянии. Я была настолько добра, что согласилась поделиться своей зубной щеткой и слышу в ответ «позже».

— Почему это позже? — спрашиваю я, потому что мне интересно знать.

— Действительно, почему? — спрашивает папа.

— У меня... суд...

— Что у тебя? — не выдерживаю я. — Суд? Какой суд?

— С Аленой...

— Подожди... что? — разве они не счастливы наконец-то. Ну, наверное, нет, раз он приехал ко мне и даже стоял на коленях, но суд... суд... и почему он стоял на коленях... и почему все запутывается так быстро, — что ты натворил? — наконец выдавливаю я.

— Она хочет вернуть родительское право.

— ЧТО? — тут я просто подсакиваю. — Какое право? Разве она не отказалась, я имею ввиду, разве это не делается один раз? — пока догадка не пронзает меня. — Ты отдаешь Васю...

— Нет! — звучит слишком резко, вздрагивает мама, молча наблюдавшая за нашим диалогом, — Она подала в суд на восстановление своих родительских прав.

— Разве это можно? — никак не укладывает в голове... возможно ли это.

— Ну, она осознала — «осознала» звучит, как плевок, она раскаялась — «раскаялась» звучит, как воронье карканье, резко и недобро, — она имеет право.

— А ты?

— Я не хочу для неё таких прав... Она попросту увезет Васю, если она вообще — и «вообще» звучит странно — ей нужна.

— Егор, но возможно ваша жена действительно осознала, — мама в курсе ситуации Егора, родители не знают, что случилось после, но про Васю они знают... и что мы «пробовали» тоже, — она проявляла интерес к малышке, шла на контакт?

— Нет.

— Послушай, ерунда какая-то, она уехала, её не было, не было... она лишена родительских прав. На каком основании она хочет их обратно? Так не делается!

— Делается...

— И каковы шансы у матери ребенка? — вмешивается папа.

— Мы оба одиноки, её доход превышает мой в несколько раз, но у меня стабильность, а она... кхм... модель, наши шансы равны... формально. В любом случае... она — мать, а девочке нужна мать, так говорят адвокаты, этим мотивируются наши суды... никто не оставляет ребенка отцу, если есть мать...

Ужас наваливается на меня. Вдруг я вижу, что под глазами продавца лежат тени, вижу, что он давно не стригся и, похоже, не брился уже дня три... Он немного сутулится, хотя никогда не был в этом замечен, и его руки рвут на мелкие кусочки салфетку.

— Что ты будешь делать? — шепчу я, потому действительно не понимаю, что можно сделать в такой ситуации.

— Я... не знаю, я увезу её... куда-нибудь.

— Это глупо...

— Наверное...

Мы остаемся на кухне одни, родители всегда знают, когда оставить меня одну или вдвоем, или втроем... они всегда знают, когда надо выйти.

— Зачем ты приехал, Егор? Разве ты не должен... не знаю, встречаться с адвокатом.

— Я не знаю, Василина, я не знаю. Просто прости меня. Не вернись, ты не вернешься, я знаю... просто прости или... ладно, — я смотрю надвигающийся кадык, — не прощай, я хотел тебя увидеть, Вася, — и он держит мою руку, ведя неспешный диалог наших пальцев, который я не хочу прерывать, — просто увидеть, я уйду сейчас... поезд через семь часов, я на вокзале посижу или еще где-нибудь, просто увидеть тебя, — пальцы разговаривают сами по себе... — просто увидеть, я приехал, чтобы увидеть тебя, Вася, и всё.

— Я не понимаю...

— Боже, Василина, я скучаю, ты так нужна мне, я просто хотел тебя увидеть... Я сам не знаю, как оказался на вокзале, в поезде, я приехал, потому что я скучаю, потому что хочу тебя видеть, это эгоистично и глупо, я эгоистичный и глупый ублюдок...

— Ты мог меня не застать, — и он действительно мог не застать, мы много ездим с Сережей, и часто я попросту не ночую дома, но мне не хочется говорить это продавцу, хотя видимо должна бы, просто ради мстительного удовольствия.

— Я знаю... я просто сидел там, не думаю, что я поднялся бы сам, на самом деле. Наверное, побыть в одном городе с тобой — уже хорошо? Я знаю, это звучит странно...

— Ну... наверное, — я пока не могу определиться, как это звучит и что это значит для меня, знаю, что для нас это не значит ничего.

Его пальцы продолжают играть с моими пальцами, я не могу себя заставить убрать свою руку от его и, похоже, в этот раз меня не смущает наличие у него правой руки, что кажется странным, но не удивительней присутствия самого обладателя этой руки на кухне моего детства. Когда руки этого обладателя порывисто прижимают меня к своему телу, практически вжимая меня, и я замираю, забывая как дышать, а только слушаю и считаю:

«Прости меня»

«Прости меня»

«Прости»

Через время, так и не покинув объятий Егора, я знаю, что это неправильно, но я всего лишь слабая женщина, а его руки такие горячие, я слушаю все, что происходило за этот месяц. Про иск, про адвокатов, про шансы, которые катятся к нулю...

Пока не задаюсь вопросом, все ли сделано? Всегда должен быть план Б. Или С.

Или путь отхода, все что угодно.

— А если бы ты был женат? — задаю я вопрос в то же время, когда он только приходит мне на ум.

— Не знаю, наверное, это было бы лучше, полная семья... Но я Не Женат.

— Паааап, — кричу я, — у начальницы ЗАГСА, или как она там, есть дети? — спрашиваю я, когда он заглядывает на кухню.

— У неё есть внуки.

Отлично, в маленьких городках с помощью хорошего педиатра можно решить почти все вопросы и этот тоже.

— Сегодня суббота, договорись с ней о регистрации моего брака, я выхожу замуж!

— Нет, — слышу я Егора.

— Что? — слышу я маму.

— Доченька, — слышу я папу.

— Почему нет?! Да! — отвечаю я Егору.

— Я выхожу замуж, сегодня, — отвечаю я маме.

— Ну, фиктивно, — поясняю я папе.

— Нет, нет, нет! — спорит Егор.

Какое-то время я смотрела на своего сероглазого продавца в замешательстве, у меня не большой опыт в подобных предложениях, возможно, это делается как-то по-другому, но его «нет, нет, нет!» меня обижает.

— Ты не хочешь на мне жениться? — мне только кажется, или на самом деле в моих словах слышны слезы...

— Нет, то есть да. Василина... я бы хотел... правда, послушай, я хочу этого, но не сейчас и точно не при таких обстоятельствах, не по этим причинам. Не так, Вася... Боже, я бы с ума сошел, если бы Васька вышла замуж так... Нет, Василина, это исключено.

— И давно ты стал таким щепетильным? — вырывается у меня. — Послушай меня! Я не собираюсь отдавать нашу Ваську какой-то модели, которая за почти пять лет ни разу не поинтересовалась дочерью, я не собираюсь отдавать нашу Ваську женщине, которая зачем-то подала сейчас в суд! И если для этого нужен фиктивный брак, он будет. Я, между прочим, преподаватель вуза, у меня будет хорошая характеристика и что там еще надо. Я обалдеть какая благонадежная и, если надо будет врать под присягой, что ты мой настоящий муж, именно это я и сделаю, но нашу Ваську я ей не отдам! Ты меня хорошо понял? — я почти перехожу на крик, но, по большей части, говорю так, будто передо мной нашкодивший первокурсник, который по старой привычке опасается, что я позвоню родителям рассказать о его недопустимом поведении. Все же я умею давить преподавательским авторитетом, на всех, кроме папы... Потому что я слышу:

— Егор прав, Василина. Так не делается.

— Мааааам, — в отчаянии пишу я, потому весь мой педагогический опыт разбивается о папино «причины должны быть правильные» и «любовь, например».

— Хм... — говорит мама, обводя взглядом папу, который в недоумении смотрит на Егора, который направляется к двери, и меня, которая вцепилась в руку продавца, грозя оставить след от ногтей. — Полагаю, мужчины склонны излишне драматизировать ситуацию. Если это поможет держать девочку подальше от такой матери, а насколько я поняла эта женщина сама не слишком понимает свои требования, то небольшая формальность лишней не будет... Егор, вам следует согласиться на вариант Василины, — смотря мягко на продавца, но я отлично знаю этот взгляд, еще никто не сказал «нет» под этим взглядом. — А тебе, дорогой, нужно позвонить куда следует и организовать все, как можно раньше, — смотря тем же взглядом, под которым мой папа вздыхает, притягивает маму к себе, целует её лоб и, говоря волшебное «если ты так считаешь», уходит, на ходу набирая номер. Мама идет за ним, оставляя нас с Егором наедине.

— Ты думаешь, это поможет? — шепчет Егор.

— Я не знаю, правда, но просто... надо что-то делать, пожалуйста, согласись, ведь мы не можем потерять И нашу Ваську тоже.

Я вижу, как он кусает свою губу, я освобождаю из плена зубов его губу и шепчу...

— Давай... это фиктивно. Ты ничего не теряешь, можешь только приобрести...

— Хорошо, я же эгоистичный ублюдок, — вздыхает Егор.

— Вот и отлично.

Класс! Мне несказанно повезло, мой будущий муж — эгоистичный ублюдок, — мне очень смешно, пока я еще могу смеяться.

Через десять минут раздался звонок от Сережи с предложением зависнуть на речке, но я, как честная женщина, тут же сообщаю, что никак не могу, потому что выхожу замуж, слыша на той стороне провода сначала тишину, а потом вопрос «Чем я могу помочь?», и я тут же понимаю чем — нам нужны свидетели, и хотя ситуация выглядит странной, я все же выхожу замуж фиктивно, а Сережа, скорей, мой друг-бывший-парень, чем... кем бы он ни стал для меня за это лето.

Через двадцать минут нам известно время моего скоростного бракосочетания, на нашей маленькой кухне сидит Сережа, уминая за обе щеки мамины оладушки, говоря с

набитым ртом:

— Теть Люд, вот по чему на севере скучаю, так это по вашим оладьям!

Маша же скачет вокруг меня, причитая, притоптывая и болтая без умолка, поглядывая на молчаливого Егора, который все же предпринял уже пару попыток сбежать, но был остановлен моим властным «Сядь, пожалуйста». Мысленно при этом я заламываю руку продавцу и, нагибая его лицом в пол, говорю: «Вы можете ознакомиться со своими правами», как говорят в фильмах, когда крутой полицейский задерживает не менее крутого бандита или наркоторговца. Наркоторговец звучит справедливо, ведь у Егора есть свой личный наркотик, и это не я...

Проезжая мимо едва ли не единственного свадебного салона, Маша буквально выпрыгивает из машины со словами: «Стой, стой, стой, да стой же, стой!!», под Сережино «Я тебе как на пешеходном переходе парковаться буду?!».

Через пару минут мы с Машей стояли в салоне, и она с подозрением смотрела на свадебные платья, которые обещали «посадить по фигуре», я же с подозрением смотрела на Машу и на её грандиозный план «купить свадебное платьишко».

— Замуж выходят один раз! — убеждает меня Маша.

— Я выхожу фиктивно, — достаю я свой козырь, — так что, скорей всего, я еще раз выйду замуж.

— Да ладно... — шепчет Машка, во всяком случае, ей кажется, что она шепчет, потому что продавщицам точно не кажется, что они слышат нашу неспешную беседу, — ты фиктивно выходишь замуж за парня, которого любишь, — и на мои выпученные глаза она кивает головой. — Любишь, любишь, а в свидетелях у тебя парень, с которым ты еще вчера... хих... вчера, в общем, — и на мои круглые глаза отвечает: — Да ладно, тоже мне секрет. Тааакое точно бывает один раз! — и начинает смеяться. Она очень заразительно смеётся, и она, и Сережа, вся их семья очень заразительно смеются. И я начинаю смеяться тоже, потому что уверена, что такого со мной точно больше не повторится, ну, я же взрослая женщина, я, имею в виду, не совершаю необдуманных поступков.

Отказ от платья мне удалось аргументировать, показывая сквозь стеклянные витрины на Егора, который о чем-то говорит с Сережей, выдыхая сигаретный дым, чей вид в темных льняных брюках, футболке с причудливым принтом и ярких мокалинах определенно не подходит на спутника свадебного платья.

Следующее, что я вижу — это обувь, верней, один ботинок продавца в руках Маши, в этих же руках малюсенькая фата и быстрые пальцы девушки, которые собирают небольшой свадебный букет, где помимо основного белого присутствуют темно бордовые розочки, ровно в цвет обуви Егора, эти же розочки украшают шпильки, на которых держится фата.

Уверена, что я произведу фурор во дворце бракосочетаний — на мне джинсовые шорты, из тонкой вискозы изумрудная блузка с кружевом и фата с темно бордовыми розочками. И конечно, на мне босоножки на высоком каблуке, так что если я в чем и уверена, это в том, что мои ноги кажутся безупречными и длинными для моего роста.

— Ты не должна это делать, Василина, — слышу я в этом же салоне от Сережи, — тем более не похоже, что парень в восторге от этой идеи.

И мне становится обидно от этого «не восторге», я не уверена, но, по-моему, из меня получилась очень даже симпатичная невеста. И по всей законам жанра, он должен быть «в восторге», а не «не...»

— Так надо...

— Он рассказал мне, вкратце, но ты же понимаешь, что не должна? — давит Сережа. Бесплезно давить на преподавателя ВУЗа, если ты не работник Академии наук.

— Понимаю, — отвечаю я.

— Ну, вот и отлично, — вдруг обнимает меня Сережа. — Послушай, я дам тебе телефон адвоката, он лучший в своем деле... не по семейному праву, но он может порекомендовать, счет пришлешь мне, хорошо?

— Что?

— Это мой свадебный подарок тебе, — улыбается Сережа, и у него заразительная улыбка, руки в веснушках и ямочки на щеках.

В ЗАГСе нас встречает взволнованная заведующая, и если её удивляет вид жениха и невесты, она не подает вида. Я абсолютно точно знаю, что обеспечила её разговорами года на три, в нашем маленьком городке обсуждаются любые свадьбы, особый ажиотаж вызывают невесты не в белом платье, уверена, невест в джинсовых шортах и розами в цвет обуви жениха еще не было.

— Ваш папа просил скромнее, — шепчет мне заведующая, распахивая перед нами огромные двери, где играет «Шербургские зонтики» живой оркестр и, хотя выбор кажется странным, мне нравится. Я не так часто выхожу замуж фиктивно, и наличие живого оркестра, играющего прекрасную мелодию, не может не радовать. Женщина-регистратор, впрочем, я не могу сказать точно, как называется профессия женщины, которая радостным тоном нам сообщает: «Дорогие Егор и Василина» и «Можете поздравить друг-друга». Выглядит фундаментально в темно зеленом бархатном платье, которое облегает её огромную грудь и стан не менее пятьдесят четвертого размера. Думаю, как статуя Свободы США символизирует свободу, так и женщина в фундаментальном платье символизирует нерушимость брачных уз. С чем я и поздравляю продавца крепким рукопожатием и поцелуем в щеку, задерживаясь у его щеки немного дольше для фиктивного брака, но мало для моего желания продолжать целовать его щеку, шею и даже нос, видимо от того, что идеальная рука продавца лежит на моей талии, прижимая меня к себе. При этом сам продавец не делает попыток поцеловать меня. Но что я могу знать о браке вообще, и о фиктивном в частности?

Мама с папой остаются дома, потому что папа «не хочет участвовать в этом представлении», а мама потому что «уверена, что у неё еще будет возможность поздравить нас с настоящим бракосочетанием».

Машка кричит, что нам нужно проехать семь мостов. Егор говорит, что ему нужно на вокзал. Я отвечаю, что мы успеем на вокзал, но мосты нужны непременно, Сережа соглашается со мной. Последний раз он спорил со мной в момент, когда я пью шампанское, был нашим выпускным, и я выплюнула остатки ему на пиджак, с тех пор он не спорит со мной, и это — единственное разумное объяснение, которое мы находим с Машей, допивая шампанское, потому что шампанское — такая же традиция, как и мосты.

И я уверена, что я больше никогда не буду выходить фиктивно замуж за парня, которого люблю, а свидетелем у меня будет парень, с которым я занималась сексом накануне...

На мосту Егор поднимает меня, и мне кажется, что я ничего не вешу, хотя все лето исправно ела мамины оладьи, которые она готовит на обычном молоке или кефире. Доносит до середины моста, где усаживает на перила так, что я оказываюсь лицом к нему, а мои ноги, и тому виной положение, при котором я могу держаться за шею продавца, обхватывают идеальный зад продавца. Я взрослая женщина и понимаю, что выпив столько

шампанского, я могу свалиться в воду.

— Василина, что ты делаешь? — произносит Егор.

— Эй... это традиции, нельзя нарушать традиции, мы женимся, — говорю я, и мне только кажется, что голос звучит обиженно.

— Вася, но мы же... ты... Василина, для чего всё это? — его рука приподнимает фату у меня на затылке и перебирает распущенные волосы...

— Я пытаюсь найти что-то хорошее в этой ситуации, — отчего-то шепчу я и закрываю глаза.

Кажется, моя голова кружится, но я чувствую, что идеальная рука держит мою голову, а другая рука — талию, в то время, когда дыхания Егора становится слишком много, слишком быстро и слишком близко к моим губам, в попытке вдохнуть глубже, я приоткрываю рот, встречаясь с губами Егора. Губами, которые двигаются нежно напротив моих и язык пробегается только по краешку губ, может быть слегка задевая зубы... Несмотря на продолжительность и мои руки в волосах Егора, поцелуй получается практически невинным, и не покидает ощущение, что нечто сдерживает этот поцелуй, и это отнюдь не я... Как умная женщина, я понимаю, что все во благо, во мне сейчас говорит алкоголь. Сама же я говорю:

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь найти что-то хорошее в этой ситуации.

На вокзале, куда мы приехали после нашего бракосочетания под известную композицию, и мостов, Сережа смеется и говорит:

— Я все же не верю, что опять упустил тебя, Васька, — и обнимает меня, мне смешно, — чудачка ты Васька.

— Ты береги нашу чудачку, — говорит он Егору на прощание, пока я обнимаю маму и папу под слова «Удачи, доченька» и «Не пожалей... и звони в любое время».

В поезде Егор расстилает для меня постель и заставляет лечь спать, хотя мне отчего-то хочется продолжить наш невинный поцелуй на мосту. Я даже указываю ему на штамп в паспорте, но продавец только улыбается и говорит что-то типа «я не хочу, чтобы ты возненавидела меня еще больше», и хотя все купе свободное, он сидел рядом со мной, во всяком случае, пока я не уснула.

Целый месяц проходит между заявлениями, адвокатами, сборами справок, характеристик, встречами с психологами, органами опеки и попечительства, оказывается такие существуют, причем в каждом отдельном округе.

Эти органы в лице Елены Викторовны, противной тетки с пересаженными волосами приходят домой к Егору, чтобы проверить «условия проживания ребенка», удивительно, что, прожив четыре года на подведомственной ей территории, она ни разу не озаботилась судьбой Васи, а перед судом пришла проверять и проверяла... ходя по квартире, ища «игровую зону», «рабочую зону» и «место для сна». У Васи все было отлично с зонами, особенно с игровой — вся квартира была этой зоной. Я мало, что понимала в детях, но моих небольших знаний достаточно, чтобы понимать, что никакими зонами не заставить пятилетнего ребенка играть там, где ему указано... Однако же зона должна быть, как и место для сна.

В конце концов, убедившись в приемлемых жилищных условиях проживания подведомственной ей несовершеннолетней из неблагополучной семьи, Елена Викторовна открывает холодильник и вытаскивает двумя пальцами глазированный сырок. Всем известно, что глазированные сырки — не лучшая еда, но это вкусно, и если не есть много, то, наверное, полезно, однако же наша проверяющая с подозрением осматривает упаковку.

— У меня указано, что у Василисы непереносимость лактозы, вы кормите ребенка этим? — и «этим» произнесено с круглыми глазами. Заглянув через плечо в холодильник, я увидела, что помимо сырка есть еще продукты, и их не мало, в конце концов, Егор — продавец и если что он и знает, так это волшебное слово, по которому холодильник превращается в пещеру Аладдина.

— Наша девочка, — и я сознательно делаю ударение на «наша», — развита по возрасту и знает перечень не рекомендованных ей продуктов, — говорю я.

В том, что Вася развита по возрасту, за этот месяц мы убедились три раза, у трех разных психологов. Также у нас есть справка от участкового врача, где указаны все прививки Васи, и детского сада, где указано, что ребенок с удовольствием посещает дошкольное учебное заведение, социально адаптирована и контактна.

— Что ж, — поджимает губы Елена Викторовна и быстро пишет что-то в свой блокнот.

Алена хочет не только восстановить свои права, но и лишить этих прав Егора, и я совсем не уверена, что ей это не удастся, учитывая три неожиданных визита Елены Викторовны, один из которых с участковым милиционером и инспектором по делам несовершеннолетних.

И хотя у нас очень хороший адвокат, один из лучших в своем деле — нет никакой уверенности, что Егор выиграет... Ведь Вася — девочка, а девочке нужна мать. Мать, которая за все эти месяцы ни разу не появилась, даже на двух заседаниях суда, предоставив через своего адвоката справку от врача о плохом самочувствии. К третьему заседанию, которое приходится уже на конец сентября и багряные листья клена, из которых мы с Васей делаем розы, составляя красивые осенние букеты на конкурс «поделки из природных материалов», нервы у всех, включая Егора, его семью и меня — на пределе. Ночью, ворочаясь на своем ортопедическом матрасе, я не могу уснуть, а днем полностью уйду в

работу, с Егором мы общаемся только по делу, иногда я захожу в магазинчик и слышу:

— Привет, Василина.

При этом он не берет деньги, поэтому я все реже и реже захожу... Иногда я вижу Егора курящим на лестничной клетке, и мне хочется стрельнуть у него сигарету, хотя до этого я никогда не курила, видимо список моих вредных привычек, включающих в себя алкоголь и продавца из магазинчика Best, вскоре пополнится еще и курением, что не обрадует папу, но, может, успокоит мои нервы и принесет мне сон.

Если бы кто-нибудь меня спросил, зачем я делаю это — притворяюсь женой продавца, хожу на консультации к психологу, где не поднимается вопрос о статусе наших взаимоотношений, но Вася, рисуя свою семью, включает и меня, правда немного поодаль от папы и Насти, рядом с бабушкой и дедушкой, и разговариваю с Еленой Викторовной в присутствии инспектора по делам несовершеннолетних — я бы не смогла ответить.

Возможно, дело было в Василисе, которая любила своего папу так же сильно, как Маню, и даже собиралась жениться с ним, если конечно тот мальчик из её группы в детском саду передумает или Маня... Возможно в Егоре или Насте. Или даже в моей ревности и Алене и желании не дать ей победить хоть в чем-то...

Так или иначе, к шести вечера, накануне третьего суда я возвращалась домой с работы, уладив с расписанием на завтрашний день, поужинав, против обыкновения, в кафе с приятельницами, зная, что, сидя одной в своей просторной квартире, я не смогу есть...

Зайдя в общий коридор, на полу которого все та же кафельная плитка, что и год назад, я вижу продавца, который сидит поперек этого коридора, облокотившись на стену, вытянув ноги, и я вижу, что они у него длинные...

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, очевидно, что сидение в общем коридоре — не самое распространенное занятие среди ночных продавцов, но, возможно, я чего-то не знала.

— Запиваю, — было мне ответом, показывая на початую бутылку вина с надписью «Портвейн Массандра» и пластиковый стакан.

— По-моему, ты пьешь, — поправила я, вечерники всегда не точны в формулировках.

— Неа, я запиваю, пил я до этого...

— И что ты пил?

— Оооооо, прекрасный напиток Богов, коньяк с надписью «коньяк, пять», — и для наглядности мне показывают пять пальцев, — звезд... как Ваське...

Я отлично понимаю желание продавца напиться, у меня то же самое желание, я уже не один раз упоминала о своих вредных привычках, так же я понимаю, отчего Егор не идет домой...

— Будешь? — все же ночные продавцы очень любезны, отмечаю я.

— Давай... — и я беру в руки пластиковый стакан с обернутой вокруг салфеткой. И если бы я не знала, что передо мной вполне гетеросексуальный мужчина, я бы решила, что он гей, потому что на нем обувь цвета охры и ремень в цвет ботинок с причудливой пряжкой.

Я взрослая женщина, но что я могла знать о ночных продавцах, оказалось — так мало.

Усаживаясь рядом, вытягивая ноги, я слышу:

— Не сиди на полу, Василина... — и идеальные пальцы рук обхватывают мою талию и слишком легко сажают на колени в темно синих джинсах. Уже давно, со дня нашей фиктивной свадьбы я не была так близко к продавцу и к мужчине вообще, видимо от этого мое тело напрягается.

— Брось, Василина, ничего не случится... просто посиди так, хорошо?

Мне хорошо и я шепчу.

— Хорошо, — выпивая полный стаканчик тягучей сладкой жидкости, от которой сводит рот, но я не могу не признать её довольно приятной и протягиваю руку за добавкой, которая незамедлительно оказывается в моем стаканчике, и её я выпиваю практически сразу, и следующую тоже.

Потом мы просто сидим. В тишине, слыша, как мимо проезжает лифт, иногда я слышу дыхание, вдруг ставшее тяжелым, иногда идеальные руки пересаживают меня с колена на колени, подтягивая ближе, и я ощущаю причину тяжелого дыхания, но не двигаюсь с места, предпочитая облокотиться и слушать ритм сердца под трикотажем...

Мы молчим, все уже было оговорено не один раз, поэтому мы просто молчим, пока одна рука сильно прижимает мою спину к груди продавца, вторая играет с моими волосами...

— Я потерял тебя, Василина, — слышу я приглушенное в свой затылок.

И хотя мне очень хочется сказать, что это не так, что я все еще здесь, я понимаю, что это ложь... что в любом случае после суда, каков бы не был вердикт, наше общение может прекратиться вовсе, если только мы не пойдем по инстанциям дальше... И это не то, чего хотим я или продавец...

— Полагаю, что да, — отвечаю я, скорей своему подбородку.

— Я потерял тебя, Василина.

«Я потерял тебя»

«Я потерял»

«Потерял»

Слышу я в свой затылок, и мне нечего на это ответить... он потерял. А, скорей всего, и не находил никогда, иначе как объяснить...

— Боже, я не могу потерять и Васюку, — и я чувствую слишком сильный захват вокруг своей талии, и я не могу дышать, как мне кажется, от этого обхвата или от шепота.

«Потерял тебя»

«Не могу потерять»

«Прости меня, прости»

В какой-то момент человеку необходим план Б, план отхода, эвакуационный выход, некоторые называют это надеждой.

Я встаю, беру продавца за руку и завожу в свою квартиру, пока он все шепчет и шепчет, видимо напиток богов стал до него доходить, как и до меня «Портвейн Массандра», потому что мне сложно стоять.

Я молча раздеваю продавца и укладываю на свою матрас, реклама гласила, что он ортопедический.

— Что ты делаешь?

— Ложусь спать, — шепчу я. — И ты ложись.

— Хорошо.

И снова:

«Потерял тебя»

«Не могу потерять»

«Прости меня, прости»

Я обхватываю лицо продавца и говорю, излагаю ему план Б, эвакуационный выход, надежду.

— Мы уедем... если что... мы уедем.

— Куда? — отчего-то мы говорим шепотом, будто наш план могут услышать и прислать наряд полиции.

— К моей бабушке, она живет на отшибе маленькой деревни... там рядом есть колодец с журавлем, у всех есть вода в доме, но многие ходят за водой в колодец, считается, что она чище... и там река, огромная и тихая заводь... и также желтые кувшинки, и утки с утятами, а рядом огромная поляна с полевыми цветами... васильки есть и такие маленькие, желтые... клевер еще и дикая гвоздика, она очень ароматная, очень... вдоль дорог растет иван-чай и зверобой, он вкусный в чае, а рядом живет пасечник, но пчелы отчего-то не кусаются, а еще у бабушки есть коза... её, ты знаешь, зовут Маня, — и я смеюсь в ключицу продавца, — всех коз моей бабушки звали Маня, они такие вредные... эти козы... а зимой там пахнет снегом, настоящим, и небо невероятно синее, месяц в тумане, и почти у всех топятся печи... огромные русские печи, поэтому запах стоит удивительный... да, еще у бабушки есть баня русская и веники березовые и дубовые, они тоже пахнут... двери бани выходят прямо на заводь, и можно прыгнуть прямо в реку.

Я всё говорю и говорю, словно мы на самом деле можем сбежать в деревню моей бабушки от всех проблем, от себя, от суда, от Лёльки... но нам нужен план Б, нужна надежда, прямо сейчас.

И, наверное, я слишком пьяная, но я доливаю себе вина и выпиваю, а потом еще.

И, наверное, я слишком пьяная, потому что, ощущая напротив своего живота, через несколько слов трикотажа, очевидное возбуждение Егора, я не отодвигаюсь, а наоборот начинаю двигаться и тереться о него.

И, наверное, я слишком пьяная, когда мои руки взлетают вверх, поднимая край футболки продавца, и я сдергиваю её, а следом свою.

И, наверное, я слишком пьяная, когда одним движением руки расстегиваю на себе лифчик, который ненавижу в этот момент оттого, что моим соскам нужно соприкоснуться с грудью рядом, грудью, которая тяжело дышит, прерывисто.

И, наверное, я слишком пьяная, когда мои движения становятся хаотичными, и губы движутся вслед за руками, и мой пьяный вдох даже мне кажется слишком похотливым.

И, наверное, я слишком пьяная оттого, что не понимаю, что прямо сейчас он держит мои руки и сковывает движения, потому что мой разум затмила похоть, вождление, возбуждение, влечение, яд...

— Василина, остановись, — слышу я.

Я слишком пьяна, чтобы остановиться.

Я слишком слаба, чтобы вывернуться из крепкого захвата рук, слишком сильных рук, которым так легко меня удержать.

— Василина, остановись... пожалуйста, Вася...

— Я хочу тебя, — может быть, моя откровенность возымеет эффект, но нет...

— Это не ты, это вино... остановись... пожалуйста...

Мои бедра слишком пьяны, чтобы останавливаться, и я все трусь и трусь...

И, наверное, я слишком пьяная, слишком желающая, слишком влюбленная, чтобы слышать «нет».

Слишком много выпила, и мой муж, мой фиктивный муж отказывает мне в моем законном праве, тогда как бывшей жене, бывшей, несмотря ни на что, он не может отказать...

И, наверное, я начинаю плакать, от сильного захвата.

И, наверное, я произношу всё это вслух.

И, наверное, когда руки отпускают меня, и Егор откидывается на подушку, шепча: «Боже, Василина, что ты делаешь...», я оказываюсь сверху, и, наверное, целую его чуть больше, чем жарко или сильно, или возможно, я даже кусаю его... шею, впадинку у ключицы, грудь.

И, наверное, я ввожу в себя горячее возбуждение Егора, и мне кажется, что миллиарды микрочастиц взрываются у меня в голове и животе, и мне трудно сообразить, что же случилось, но вскоре осознание того, что мы впервые делаем это без презерватива, озаряет меня, и, наверное, меня это не заботит.

Единственное, что заботит меня — это мое, ставшее навязчивой идеей, моим зудом, моим ужасом, желание, от которого надо избавиться, и я начинаю двигаться... быстро. Что странно, ведь никогда до этого я не любила эту позицию.

Пока я не оказываюсь на спине, и мою ногу, потом другую закидывают на мужские плечи, и я чувствую совсем другой темп, другое проникновение, другой угол, и мне навязывают этот темп, я смиряюсь с этим, потому что это лучше, чем ничего.

И, наверное, я слишком пьяная, чтобы выдержать прямой взгляд серых глаз, который не отрывается от моих глаз, в то время, как движения убивают своей ритмичной последовательностью, пока меня не начинает сначала трясти, и дрожь начинается с ног, которым непривычно находиться в таком положении, переходит на живот, поднимается к горлу, и я не задыхаюсь в каком-то жутком круговороте, кажется захлебываясь в собственном крике.

Следующее, что я вижу — это Егора между своих ног и следы на своем животе, по которым я вожу пальцем.

— Василина, тебе надо помыться...

— Не стану вставать...

— Я не уверен, что...

— Не сдвинусь с этого места, — говорю я и, наверное, я достаточно пьяна, чтобы осуществить это.

— Хорошо, — через несколько секунд идеальные пальцы рук достают салфетки, влажные и прохладные, чье воздействие на соприкосновение с моей кожей имеет странный эффект, потому что мои бедра начинают двигаться помимо моей воли, а губы издают странные звуки, когда я вижу затылок продавца между своих ног и... больше я уже ничего не вижу, наверное, я слишком пьяная... потому что после фейерверка и мушек в глазах я уснула.

Проснувшись я от головной боли и от того, что хочется в туалет. Конечно, это более чем нормальное состояние после выпитой бутылки портвейна, во всяком случае, я себя в этом убеждаю, пока прикидываю, как мне аккуратней выбраться из-под продавца... чьи рука и нога лежат на мне, прочно впечатав меня в матрас.

Выбравшись, я отправилась в ванную комнату, по пути вспоминая, что вчера случилось, призывая богов амнезии быть милостивыми ко мне, чтобы или я все забыла к моменту, как выберусь из душа, или Егор все забыл. Стоя под теплой водой, я решила, что забыть у меня не получится, определенно, причиной тому — легкая тяжесть в животе и совсем не легкая в ногах... Остается надеяться на то, что продавец не будет помнить... или... я взрослая женщина и могу себе позволить случайный секс по пьяни... решаю я.

Это не лучшее объяснение того, что я набросилась на продавца, практически

изнасиловала его... и любой суд примет состояние алкогольного опьянения как отягчающее обстоятельство, но, возможно, тот факт, что уже какое-то время у меня не было секса, а продавец в моей постели является прямой провокацией и также факт того, что он мой муж — будут считаться смягчающими вину обстоятельствами. Борюсь с собственным чувством стыда, я вышла из ванной комнаты, надеясь, что Егор уже ушел, но удача в эти дни отвернулась от меня, что было совсем нехорошо, учитывая, что у нас суд через четыре часа... Егор стоял ко мне спиной, задумчиво глядя на чайник.

— Кофе будешь? — тихо произнес продавец.

Мои глаза пробежались по голой груди продавца и, клянусь, в этот момент кто-то или что-то ударило меня в живот.

Я не могла этого сделать!

Я даже не умела!

Это была не я! Даже будучи слишком пьяной, я не могла оставить внушительную цепочку засосов... самый багровый из которых был сверху...

В ужасе смотря на следы своего преступления, понимая, что теперь ни один суд мира не оправдает меня... и, господи, нам же идти на суд, а у него... такое...

Мой рот открывался и закрывался, пока засосы не слились в единую массу от моих слез...

— Что с тобой? — услышала я.

— Я не хотела...

— Что, Василина, ты меня пугаешь, — руки гладили меня по плечам, — Вася...

Все, что я смогла — махнуть в сторону зеркала, садясь на стул.

— Это ничего, — услышала я, — не будет видно под рубашкой, — и я даже вижу слабую улыбку.

— Прости меня... — я отвратительно себя чувствую от того, что случилось, от того, что заставила его заниматься с собой сексом и от этих следов на его груди.

Быстро вставая, Егор надел футболку.

— За что ты просишь прощения? — его горячие руки держат мои руки.

— Ты не помнишь? — может все же боги амнезии в этот раз на моей стороне...

Глядя на часы, а нам нельзя опаздывать... никак...

— Помню. Я помню, ты появилась в моем магазине в середине августа, в той же кофточке, в которой выходила замуж, — и я вижу улыбку. — У тебя было три гвоздика в правом ушке, красных, а на ногах туфли с крыльями на заднике... крылья подрагивали в такт твоих шагов... я думал, что ты заблудилась, такой растерянной ты казалась. Я помню, что каждый день цвет гвоздиков в твоих ушках менялся, и он не поддавался никакой логике или системе, потом я узнал, что ты надеваешь первые попавшиеся... Ты всегда была запыхавшаяся, и я гадал от чего...

В середине сентября ты забыла свой шелковый платок с алыми маками на прилавке и только тогда обратила на меня внимание... до того первого поцелуя я спрашивал твой паспорт шестьдесят восемь раз, шесть из которых, когда ты покупала молоко, два раза салат и презервативы, ребристые, те, что сейчас лежат в третьей коробке сверху... ты не любишь ребристые, это я тоже помню. Я отлично помню, что, заходя в магазин, ты флиртowała, — и он улыбается, искренне, — тааак отчаянно, я так же отчаянно хотел поцеловать тебя, потому что, когда ты о чем-то думаешь, ты высовываешь кончик языка... и этот розовый кончик сводил меня с ума даже сильнее той блузки, прозрачной и сильнее трусиков... тех самых,

что были на тебе в наш первый раз, с крыльями на попке.

Я помню, что ты веришь в Пегасов... верила.... Я помню, что произошло вчера, и это не то, за что тебе должно быть стыдно или тебе нужно просить прощения. Мне следует его просить. Каждый день, изо дня в день... даже зная наперед, что ты не простишь меня.

Через несколько часов на первом заседании, касаясь родительских прав Егора, опека и попечительство в лице Елены Викторовны пытаются доказать несостоятельность Егора, как отца, что, впрочем, разбивается быстро и без лишних проблем. Чередой идут три психолога, участковый врач, подтверждающие хорошее развитие Васи и я, которая выступает в роли законной супруги и гаранта стабильности положения Егора.

На следующем заседании, сразу после этого, должно слушаться дело о возврате родительских прав матери Васи — Алене. И все происходящее скорей похоже на карнавал, чем на суд, но менее пугающим от этого не становится. Алена плачет и утверждает, что её силой заставили написать отказ от ребенка, что Егор бил её, и она была вынуждена сбежать, и я не знаю, чему верить... находятся свидетели конфликтов бывших супругов. Как, впрочем, и свидетели образа жизни Алены на тот момент и на сегодняшний... образа, в который никак не может вписаться маленькая девочка с непереносимостью лактозы, о которой Алена ничего не слышала, но объяснить это просто — ни Егор, ни его родня не допускали общения Алены с дочерью...

От всего этого начинает мутить, а возможно, это последствия похмелья, но всё заканчивается дачей показаний матерью Алены, которая, к моему удивлению, выглядит, как самая обыкновенная пенсионерка, с седыми волосами, убранными в пучок, и в самом простом платье, напротив фешенебельного наряда дочери. Мама должна послужить гарантом благонадежности и правдивости Лёльки, но, кивнув нашему адвокату, мама начинает говорить... Что Алену она видела последний раз месяц назад, когда та передала ей машину и генеральную доверенность на неё, про внучку она ничего ей не сказала, более того, она никогда не интересовалась ребенком, хотя у мамы Алены есть и фотографии, и порой она берет к себе девочку. Говорит, что карьера Алены сейчас на пике, и жить в России ради девочки она не станет, а забирать её с собой некуда и незачем, так что «повесит» внучку на неё, а она — мама Алены, инвалид второй группы и, хотя любит внучку, полностью осознает, что дать ей ничего не может, только благодарна бывшему мужу дочери, что позволяет иногда видеться с девочкой...

Так или иначе, но Алену не восстанавливают в правах, несмотря на внешнее благополучие и то, что Вася — девочка, а девочке нужна мать... Что практически равно чуду при нашей правовой системе, и я прыгаю на шею Егора в маленьком коридоре перед залом заседания с одной стороны, а Настя с другой. Адвокат Алены, подходя к нашему адвокату и говорит, что его клиентка не станет подавать апелляцию.

— Ну, ты пожалел, Егор? — слышу я откуда-то сверху, когда рука крепче прижимает меня к себе, проводя в успокаивающем жесте пальцами по пояснице, пока я смотрю на лицо, так похожее на Васино, но снизу-вверх, а не как я привыкла... пока смотрю на прозрачные пальцы с синими венками и розовый блеск для губ.

— Нет, — и у меня подпрыгивает что-то внутри. Нет??? — Нет, я ни о чем не жалею, теперь у меня есть Василиса, теперь в моей жизни есть Василина, есть место чему-то важному, большему... и, наконец, в моей жизни нет места для тебя. Все это стоит того дерьма, что случилось со мной... с нами... Прощай.

Я долго провожала взглядом клонированные ноги, борясь с желанием дать пендалю по

тощей заднице, потому что... вес в пятьдесят кг при росте почти сто восемьдесят см на самом деле не очень аппетитно выглядит...

— Эй... налюбовалась? — серые глаза смеются.

— Да, — я честная женщина, — то есть, нет, может, ей ведро с краской на голову...

Серые глаза делаются серьезными, я видела такой взгляд однажды, от него бегут мурашки и становится жарко — сегодня ночью.

— Не думай о ней...

— Аааа, — пытаюсь отвести глаза от серого взгляда...

— Прости, я сказал, что ты есть в моей жизни... хочу сказать, что надеюсь, что ты еще будешь в моей жизни, в любом качестве... я не в том положении, чтобы выбирать.

Кинув последний взгляд в окно на удаляющиеся ноги, я вспоминаю тот день и понимаю, что меня всё-таки нет в жизни Егора... нет... и, видимо, не будет уже никогда...

Через час я стояла рядом с нашим домом, разговаривая с родителями и бабушкой Егора, которые звали меня на дачу, и они «понимают моё состояние, поэтому Егор, конечно же, не поедет», также они «в неоплатном долгу передо мной» и «еще раз повторяем, Егор не приблизится к даче, пока ты наша гостья», что кажется мне странным, ведь я совсем не уверена, что идея с фиктивным браком помогла, или это было что-то другое, к тому же Егор — их семья. Не я. И не честно отталкивать сына и внука, когда он нуждается в семейной поддержке, меня никогда не отталкивают родители, если я нуждаюсь в совете, словах утешения или порции оладьев.

Бросив последний взгляд на удаляющийся автомобиль, я поднялась на лифте на восемнадцатый этаж, увидев пластиковый стаканчик в общем коридоре и Егора, который, видимо, поднимался по лестнице или на соседнем лифте... постояв немного друг против друга, я закрыла за собой дверь.

Через время я шла свои пять остановок в ужасном настроении и еще более ужасном самочувствии. Конечно, после того, как я закрыла за собой дверь, мне нужно было чем-то заняться, и я занялась ремонтом.

Всем известно, если хочешь перемен в жизни — начни с себя, сделала внеплановый маникюр, педикюр и обертывание морскими водорослями, которое обещало навсегда избавить меня от несуществующего на моем теле целлюлита. В итоге я поняла, что этого решительно мало для положительной динамики в жизни, и поэтому заказала откидную кровать, на которую прекрасно встал мой ортопедический матрас — теперь, в случае надобности, в любой момент, я могла освободить довольно большое жизненное пространство в своей просторной квартире. Еще я заказала многослойные шторы, чтобы никто из потенциальных соседей не мог подглядеть за моим пони-Пегасом, которого я намеревалась попросить под бой курантов, уже пора было думать о Новом годе, и переклеила обои.

И вот, вытаскивая мусор после ремонта, я умудрилась простыть. В этом не было ничего удивительного, уже срывался снег, когда я вытаскивала мешки на помойку, одетая при этом в шорты и майку, ощущая себя спасательницей Малибу, столько заинтересованных взглядов я увидела, включая старушку-соседку со второго этажа и третьеклассника Гошу, который поднимался с няней в одном лифте со мной.

Поэтому уже пару недель я болела, что на самом деле нормально — всем известно, что если насморк лечить, он проходит за неделю, а если не лечить, то за семь дней. Мой длился уже две недели... но рано или поздно он должен был закончиться, я имею ввиду, я ни разу не встречала людей, которые постоянно с насморком и температурой, а я взрослая, сильная женщина, и у меня должен быть такой же иммунитет — взрослый и сильный, так что всё указывало на то, что скоро я поправлюсь.

Не дойдя свои остановки, я все же ловлю частника, который останавливает меня у магазинчика, и я в очередной раз жалею, что не следовала своему первоначальному плану — идея с тротилом была одной из лучших моих идей, интересуясь у таксиста, нет ли у него грамм двести-триста, и получив отрицательный ответ, я захожу в магазинчик.

— Привет, Василина.

— Привет, — и у меня пропадает голос, возможно, это аллергическая реакция на серые глаза, надо спросить у папы, бывает ли такое.

— Василина... — и слишком холодная рука на моем лбу, глаза напротив моего лица становятся еще более серыми, — покажи мне горло.

— Что? — я стараюсь говорить громко, но получается тихо.

— Горло. Покажи. Мне.

Это очень странная просьба из уст ночного продавца, но, может, у них действует акция «покажи свое горло — получишь 25 % скидки на чупа-чупс» — это вполне объясняло бы столь странную просьбу.

— Я не хочу чупа-чупс, — мне нужно аргументировать свой отказ, но, право, неудобно, когда продавец заглядывает в твой рот с сомнительными намерениями.

— Что... Васенька, горлышко мне покажи, — слегка надавливая холодными пальцами

мне на щеки, отчего мой рот приоткрывается. — Ну? Давай же, детка... — удивительно, но это работает, потому что я покорно открываю рот и говорю «АААА», слыша в ответ.

— Твою маковку, Василина, тебе нужен врач. Завтра я отвезу тебя к врачу... поняла меня?

— Не нужен, не отвезешь, но спасибо.

— Нужен, отвезу, что ты хотела, сейчас?

— Я не помню...

— Хорошо, давай я тебя провожу, — его руки действительно слишком ледяные.

Дома мне дают лекарство, мажут горло, и это отвратительно, и просят закрыть за собой дверь, что я и делаю. Потом я болтаю с Сережей по скайпу, он, как всегда, смеется, но отмечает, что Егор прав, и мне точно надо к врачу, потому что вид у меня так себе...

А потом лекарство начинает действовать, я так думаю, потому что мои новые обои кружатся, глаза слипаются, и мне определенно не хватает воздуха, перед тем как мне уснуть, ведь я попросту уснула... и тот странный грохот, и ледяные руки мне, конечно, снятся, как и серые глаза, и сквозь вату: «Василина, ты слышишь меня?», как снятся клонированные ноги и мимика хомяка и слова «он муж», «только отдельная», «какие лекарства?».

И это очень реалистичный сон, потому что просыпаюсь я в больничной палате, и сразу это понимаю. Часто в кино пациенты долго спрашивают, где они, что случилось, но это довольно очевидно. Больница пахнет больницей, она пахнет папой, и меня вовсе не пугает этот запах, скорее успокаивает, в отличие от серых глаз, которые сидят на моей же кровати и внимательно смотрят то на меня, то на капельницу и иглу в моей руке, которая придерживается маленьким пластырем. Катетеры отменили... — думаю я, но мне хорошо от того, что кто-то проследил за моей рукой, пока мне снился столь странный сон.

Находилась в больнице я целую неделю, что успело меня изрядно утомить, ведь я определенно ощущала себя здоровой и была полна решимости стать полной сил в ближайшее время. Мне еще предстояло дрессировать Пегаса и, возможно, расчесывать ему хвост и гриву... о чем я и сообщила врачу с просьбой выписать меня под расписку, я знаю, что так можно...

На улице рядом со мной остановился неизвестный мне автомобиль и оттуда вышел вполне известный мне ночной продавец. Машина выглядит новой, и я интересуюсь откуда. Оказалось, мама Алены отдала её машину Егору в счет алиментов, вместо дочери, которая точно не собиралась этого делать. Подумав, продавец забрал машину, было очень неудобно возить Ваську в садик за семь остановок, приходилось будить её на час раньше из-за чего Маня плакал и отказывался вставать с постели... Но оставить ту машину Егор не мог... поэтому сменил на этот кроссовер... Все это я слушала, пока ехала домой со своим продавцом и поднималась на лифте, уткнувшись наконец в свою дверь, которая была вовсе не моя...

— Мне пришлось выломать твою дверь... Это железная, её так просто не вскроешь, — открывая мне дверь в мою же квартиру, где все убрано, проветрено и отчего-то есть уверенность, что холодильнику сказано волшебное слово, — поэтому, пока ты не поправишься окончательно, разреши оставить твой ключ у себя, обещаю не заходить без твоего разрешения, а если тебе будет спокойней, то приходить будет только Настя... Пожалуйста?

Мне вовсе не хочется лишаться своей новой двери, потому что я уверена, что продавец хоть и говорит, что просто не выломать — он выломает НЕпросто... поэтому я отвечаю:

— Ладно, но в самом крайнем случае... я сама справлюсь.

Самой справляться мне довольно сложно, но я справляюсь, к тому же в обед все равно заходит Настя и заносит обед, особенно вкусные супы, и я знаю, что их готовил Егор, максимум, который может приготовить Настя — это кинуть чайный пакетик в кружку с кипятком.

Мне неуютно от помощи соседей, но папа мне говорит, что надо не только уметь помогать, но и учиться принимать помощь, если люди хотят помочь от чистого сердца — нет ничего зазорного в принятии этой помощи. Папе, конечно, видней. Он постоянно сталкивается с больными, нуждающимися и теми, кто оказывает помощь, он и сам её оказывает, я знаю, что порой он остается на внеплановое дежурство и навещает детей в доме малютки, как врач и как частное лицо, обладающее знаниями.

Вопрос лишь в том, насколько с чистым сердцем мне помогает Егор и имеет ли значение чистота его сердца... Ведь я по-прежнему не могу простить его.

В один из дней Насте не надо забирать Васю, и она остаётся у меня поболтать, и я её понимаю, после всех судебных коллизий с Егором и Васей она лишилась многих своих подруг... у меня с подружками тоже было туго, так что мы попросту болтаем..., и я уже не вижу, красива ли Настя на самом деле, или мне это только казалось в самом начале. У неё правильные черты лица, пышные волосы и длинные ноги... Видимо, все же красива, но это не имеет значения, когда она рассказывает, как они дрались с братом в детстве, устраивая скандалы и крики с требованием справедливости и равного дележа конфет, впрочем, все разногласия забывались, стоило кому-то со стороны напасть на одного из них... тогда другой вставал на защиту и защищал, не сдавая своих позиций ни на йоту.

Она рассказывает, что, несмотря на разницу в возрасте, они вместе пошли в школу, но не потому, что Настя умная, а потому что скандальная, и родителям было проще устроить их в один класс, чем выслушивать обиды младшей дочери, что ей-то в школу только через год.

Говорит, что Егор всегда хорошо учился, не был отличником, он был, скорей, равнодушен к учебе, но знал и запоминал практически все, говорит, что никто никогда не сомневался, что он станет ветеринаром, еще в третьем классе это было очевидно. Он приносил больных котят домой и терпеливо выхаживал их, все биологические кружки и живые уголки района были в расписании Егора, и только один год, уже в старших классах, чаша весов чуть было не перевернулась на микробиологию, однако после школы он поступил в Ветеринарную Академию... и учился там, будучи на более чем хорошем счету... пока не случилась Алена.

Потом Настя замолчала, но мне отчего-то хотелось знать еще что-нибудь, в конце концов, этой женщине я проиграла — не зная, что играю, не ведая правил игры, возможно, мне удастся учесть ошибки прошлого в будущем. Ведь чем горше опыт, тем ценнее знания — так всегда говорит мой папа, а он определенно знает толк в горьком опыте..., как и в знаниях.

Настя шепчет, что Егор её убьёт, поэтому всего она не расскажет... да и не хочет вспоминать, и мне кажутся справедливыми её слова, ведь Алена — мать её племянницы, к тому же... меня не покидает ощущение, что это «все» как-то связано и с Настей тоже, а основное правило коммуникации — никогда не спрашивать того, что человек не хочет рассказывать.

Я узнаю что-то о частных показах и вечеринках, о популярности Алены по причине её юности... и это звучит довольно двусмысленно. Не удержавшись, я спрашиваю, любила ли

она Егора, и получаю ответ: «нет, конечно, ей нравился он... скорее, сам факт его крышесноса..., но и все на этом». А он её «может и любил... голова точно отключилась, особенно, когда узнал про закрытые вечеринки...», и, помолчав, продолжает: «Когда мы узнали, что Лелька беременная, все в шоке были, ну и Егор тоже, только... кто знал, от кого», и «от кого» она шепчет, опустив глаза. Добавляет «я спросила его... тогда... уверен ли он... ну, что ребенок его... а он ответил: «Я похож на идиота? Не уверен! Что прикажешь делать?»... так что Васька родилась, они продолжили в том же духе... что тот, что другой... кто теперь скажет, отчего так... но то, что Васька Егора мы узнали только, когда Алена на в суд подала. Первым делом... от греха подальше... а до этого он просто говорил: «Моя, а чья еще, если она только со мной засыпала... да по любому моя после той скарлатины».

Мы еще немного болтаем, я узнаю, что Настя никогда особо не хотела учиться и ничем не увлекалась. «Я была просто красивой девочкой», — усмехается. На мой вопрос, не хочет ли она пойти учиться сейчас, я могу помочь, у нас вечерникам совсем не сложно, Настя задумывается и говорит:

— Отчего ты готова помогать каждому, а сама смущаешься от тарелки супа? У тебя в ванной комнате сушилка для полотенец еле держится... почему не попросишь Егора?

— Я сама могу.

— Сама? Ты знаешь, какое нужно сверло? Ты сама лампочку поменять не можешь, девушка с крыльями на задниках туфель...

— Что-Что? — и я смеюсь в подушку.

— Ну, я в некотором роде была свидетелем влюбленности моего брата в девушку с крыльями... как и сейчас... любви к этой же девушке.

Я молчу. Молчу. Молчу. Любви?

— Любви?... Не похоже...

— Угу, любви... жаль, что это говорю тебе я... а не он, но смысла нет. Вы расстались и видно — навсегда, ты не простишь Егора, а он будет жить дальше, что ему остаётся? Он не станет навязываться, тем более тебе, ты сделала больше, чем можно себе представить для него и Васьки, а он, — Настя поморщилась, — отец-одиночка не пара тебе, но он предельно тебя любит.

— А что... я имею ввиду... ну, он же... — и мне становится стыдно задавать интересующий меня вопрос.

Настя, сделав лицо хомьяка, смеется весело и задорно, я раньше никогда не слышала такого смеха у Насти.

— Вааась, ты глупая. Можешь поверить, я знаю, где проводит дни и ночи мой брат... у него никого не было за это время... если только ты не ревнуешь к правой руке, потому что тут я гарантий дать не могу, не стоит преувеличивать степень нашей близости...

И хотя я не очень поверила словам Насти, больным всегда говорят приятные, ободряющие вещи, я прошу Егора починить вешалку, а когда он приходит, благодарю его за обеда и за новую дверь, и за то, что сломал старую, когда ему ночью позвонил Сережа, сказав, что я вырубилась прямо посередине разговора, также я еще раз прошу прощения за свое поведение накануне суда и за то, что заставила на себе жениться, и за то, что год назад чуть не залила его квартиру и напугала его мусорным пакетом на голове, также я извиняюсь за разного рода оговорки и за то, что хотела взорвать его магазин и, более того, до сих пор хочу, и заодно за то, что не могу сейчас остановиться...

Он отвечает поцелуем, влажным и страстным, выдыхая мне в рот:

— Василина, господи... какую ерунду ты говоришь, — целуя еще раз. — Продолжай, мне нравится, только сначала я тоже скажу... Если бы я думал, что с помощью супа или дрели можно заслужить твое прощения, я бы до конца дней готовил тебе супы и прикручивал вешалки и картины. Если бы я имел хотя бы какое-то представление, как вернуть твое доверие, я бы сделал это... будь этот шанс один на миллион, я бы сделал это... Но я не знаю, Вася...

— Я тоже не знаю... но идея с супом каждый день мне нравится.

Остаток вечера и ночь мы проводим в моей квартире, болтая, целуясь и смотря любимые фильмы, что на самом деле очень приятно, видимо я забыла...

На выходные родители Егора неожиданно забирают Васю, и мы снова остаемся вдвоем в моей просторной квартире, где, лежа на удобной кровати, горячие руки гладят мое тело, которое вжимается с силой в продавца, но отчего-то мне не хочется спешить прыгать в кроличью нору.

— Выходи за меня? — слышит мой затылок.

— Мы женаты, — отвечаю я его шее.

— На самом деле, выходи за меня...

— А что с причинами... ну, с правильными.

— Василина, я люблю тебя, всем сердцем и нахожу эту причину правильной.

В свою очередь, я нахожу нужным согласиться с тем, что причина действительно правильная, и мне нравится, тем паче после моего ответного признания в любви к своему ночному продавцу.

И еще в том, что меня связывало с Сережей. Я понимаю, что это не самый подходящий момент, но возможен ли подходящий момент для новости, что свидетель на твоей свадьбе спал с твоей невестой... это довольно нетипичная ситуация, как мне кажется, и слышу:

— Я знаю, сразу знал... и это неважно. То есть важно... но черт с ним, это не говорит, что я не хочу его убить и любого другого, кто когда-либо прикасался к тебе... но действительность такова, что этот парень помог тебе, хоть и таким способом... поэтому давай не будем, он твой друг, он позвонил мне, когда тебе стало плохо и, возможно, спас тебя... так, что с тем, чтобы выйти за меня?

— Егор, мы женаты, нам развестись?

— Нет! Я не знаю... давай обвенчаемся...

— Ты веришь в Бога?

— Не очень, но я верю в тебя, в нас и, впервые, я верю в себя, на самом деле верю, так что... почему нет.

— Почему нет... — повторяю я, упиваясь поцелуем.

И до самой свадьбы мы упиваемся поцелуями, не заходя дальше.

Вася приходит в восторг от того, что я уже женилась на её папе, а сейчас мы снова поженимся, и предлагает жениться каждый год, потому что ей нравится помогать портнихе подгонять мое платье по фигуре и выбирать свадебный торт, дизайн которого мы отдаем полностью на откуп Василисы. На удивлении кондитеров наш торт украшают три принцессы и веселый чайник.

Приехавшая Маша, а я решила свидетельницу не менять, привезла мне большую белую коробку, открыв которую я увидела свою маленькую фату и три кустовые розы темно бордового цвета.

На удивление всем, приезжает Сережа, и я беру обещание с Егора не убивать его, «он мне дорог, как память», — объясняю я..., и продавец обещает, одаривая меня поцелуями и поглаживаниями, в ходе которых я думаю, что ждать до свадьбы не такая и хорошая идея, на самом деле...

У нас мало гостей на свадьбе, только немногочисленные родственники и друзья, но это не имеет значения, когда звучит мелодия «Шербургские зонтики», выбор немного странный, но мне нравится, и я слышу:

— Давно не танцевала?

— Давно...

И мне невероятно уютно в коконе из рук продавца, меня не смущает дыхание, вдруг ставшее тяжелым и рваным, и руки, которые держат меня уже совсем не нежно, а скорее требовательно и даже не держат, а вжимают меня в свое тело, отчего мое тело готово прыгнуть в любую нору... И когда под крики «горько» наши губы встречаются, а язык продавца оказывается у меня во рту, свет меркнет у меня перед глазами, и это не форма речи, потому что свет действительно отключили и, пока все ищут источник резервного питания — мы целуемся, как ненормальные, и я даже начинаю опасаться, что у меня закончится дыхание или сотрут губы... Или результат наших поцелуев, о который я отчаянно шлифуюсь в темноте, сотрется, или ноги перестанут меня держать или Егора...

— Как думаешь, когда прилично уйти с собственной свадьбы? — шепчу я.

— Не знаю, после торта?

— Торт с принцессами, пусть его Вася режет...

— Сейчас... Сейчас будет вполне прилично, я думаю, потому что... Василина, определенно это сейчас.

И садясь в такси, к моему удивлению, Егор называет не адрес нашего дома, а какой-то другой адрес с названием гостиницы, где нас ждет номер для новобрачных и бутылка шампанского в подарок. Где Егор, снимая мое подогнанное по фигуре платье сначала медленными, плавными движениями, вдруг срывается в рваные, граничащие с отчаянием, и я слышу: «Боже мой», и «Василина», и «Я люблю тебя», и «Как эта штука расстегивается?», и «Рвется она быстрее», и от звука разорванного кружева мое терпение, которое и без того было символическим и держалось на чувствах приличия и договоренности подождать до свадьбы, лопается, и в этот раз я уже не позволяю навязывать мне ритм, срываясь в хаотичные движения и странные звуки... что неважно, ведь у нас номер для новобрачных с отличной звукоизоляцией, и вся ночь впереди... как и жизнь... в которой я никогда не буду

ГОТОВИТЬ СУПЫ.

Уговор есть уговор.

Существует масса традиций, и загадывание желаний под бой курантов на Новый Год — одна из самых важных. Однажды я загадала своё самое неосуществимое желание, ведь встреча следующего Нового Года с серыми глазами и горячими руками казалась мне ещё более удивительной, чем волшебная палочка или эликсир вечной молодости. Потому что никто не доказал, что волшебной палочки нет, как и эликсира. Серые же глаза казались невероятными, манящими и недостижимыми, и, несмотря на шёпот: «Давай попробуем», у меня не было никакой уверенности в реальности происходящего.

Однако же, следующий Новый Год я встретила с Егором — обладателем серых глаз, и он обнимал меня своими горячими руками и прижимал меня к себе, и он был моим мужем. Поэтому я рискнула и загадала Пегаса. Если уж дух Нового Года на моей стороне, то отчего бы не воспользоваться ситуацией, тем более что сейчас я жила в двухкомнатной квартире по цене однокомнатной, а моя просторная квартира пустовала, выполняя по большей части функцию шкафа. Так что я могла, вальяжно откинув руку, сказать: «В гардеробной комнате у меня выделена полка для шляпок», и никто бы никогда не узнал, что у меня нет ни одной шляпы, кроме лисичкиных ушей, которые я сделала Васе на утренник в детском саду. Теперь у меня было место, где можно поселить Пегаса. Меня немного беспокоило, что Пегасу придётся спать одному... но я надеялась, что мне достанется сговорчивый конь.

Под утро, забирая Васины подарки из просторной квартиры, я оказалась лежащей на кровати, тогда как колено Егора недвусмысленно раздвигало мои ноги, а руки прижимали меня за поясницу к горячему телу, и мне нравилась эта недвусмысленность, а так же мне нравилось такое изобретение, как радио-няня, благодаря которой мы могли находиться в своей гардеробной квартире сколько угодно, перемерив все шляпки или гаржетки, а на самом деле целуясь, потому что за Новогодним столом были не только Вася с Маней, которому полагалась отдельная тарелка и дополнительное пирожное, но и родители моего мужа, и его сестра... целоваться в такой компании мне не казалось удобным.

В отличие от компании некогда моей удобной кровати.

— Что ты загадала? — услышала я.

— Эй, нельзя говорить, иначе не сбудется... — пробурчала я, — Пегаса, — прошептала потом. Ведь передо мной был мой муж, и если уж я заведу Пегаса, он должен об этом знать. Во всяком случае, мой папа всегда советовался с мамой прежде, чем завести домашнее животное, это казалось важным.

— А ты? — продолжила я.

— Эм... прости, я не скажу, мне действительно важно, чтобы это сбылось.

Это имело смысл... тогда выходило, что я в действительности не хотела Пегаса?.. Я чувствовала себя немного запутавшейся, но, скорее всего, это было от того, что в мой живот упиралось желание Егора и было действительно важно, чтобы оно сбылось.

— Так значит, ты хочешь Пегаса? — спросил меня продавец шёпотом, потому что была уже ночь.

— Ага, — я честная женщина и всегда честно говорю о своих желаниях.

— Поехали...

Я не стала уточнять — куда, человек, знающий волшебное слово для холодильника, явно

понимал в мифических существах больше, чем я... Я уточнила:

— А Вася?

— Сейчас придёт Настя.

И Настя пришла, она всё реже сидела с Васей, чаще Настя пропадала в интернете или в своём телефоне, который теперь всегда был у неё под рукой.

Я ожидала чего угодно, но это был просто внутренний двор какого-то здания, где стоял маленький флигель, и рядом с дверью была надпись про ветеринарную станцию... Пегас — конь, подумала я и поднырнула под руку Егора, когда, он, прижав к себе, представил меня молодому человеку в зелёном костюме, похожем на костюм хирурга.

— Это Василина, моя жена, — сказал продавец.

— Василина, — сказала я и протянула руку.

— Олег, — сказал парень в зелёном, — пойдёмте....

Я не сразу поняла, где мы, но вскоре сообразила, что это что-то типа клиники для животных, ведь им тоже иногда нужен стационар. Зато когда я увидела своего Пегаса, я сразу поняла, что это он, несмотря на то, каким крошечным он оказался. Он был белого окраса, только вокруг глаз, уши и места для крыльев были коричневые. Глаза были похожи на Манины, только больше и отчего-то грустные.

— Эй, приятель, — сказал Егор, присев на корточки рядом с клеткой. Приятель приподнял голову, но потом снова опустил её... Мне захотелось погладить его, но никогда нельзя быть уверенной... захочет ли Пегас такого внимания. В это время Егор протянул руку и вытащил моего Пегаса, поднимая перед своим лицом, поглаживая его и уговаривая, так он уговаривал Васю, когда она падала или пугалась, так же он уговаривал меня, если я капризничала или обижалась, что случалось не часто, но случалось. Так же он смотрел сейчас на моего Пегаса и, похоже, коняшке это нравилось, потому что она завиляла хвостом.

Потом Егор сделал самую странную вещь, которую я когда-либо видела — он понюхал Пегаса. У уха, рядом с шеей, долго.

— Это Пегас, — представил он мне моего пони.

— А это Василина, — продолжил он. — Он ещё маленький и, честно говоря, я не уверен, вырастут ли у него крылья, но ему нужен дом... что скажешь?

Я протянула руки к Пегасу, взяла его на руки и выполнила тот же ритуал, что делал мой муж — я понюхала Пегаса. Он пах странно, но это была приятная странность, тёплая, мягкая, с холодным носом и горячим языком, который лизнул меня прямо в нос, а потом в шею.

— Уверена, у него вырастут крылья, — сказала я, поглаживая коричневые пятнышки по бокам белой окраски.

Потом мы сидели в кабинете Олега, где он разговаривал с Егором на неизвестном мне языке, а я разговаривала с Пегасом, иногда нюхая его, а иногда почёсывая спину или животик. Животик мне нравился больше всего.

Оказалось, мой Пегас на самом деле щенок породы Джек Рассел терьер, ему нужно трудоемкое и затратное лечение, поэтому хозяева отказались от него, а заводчики, у которых его купили, не захотели его забирать. Но он действительно был Пегасом, что и было указано в его документах. Мне казалось странным, что люди отказались от такого тёплого и странно пахнущего существа, но люди делают ещё более странные вещи.

Так что через неделю мы забрали своего Пегаса домой, и теперь он жил с нами. Поначалу он был робким и очень боялся Егора, ведь тому приходилось постоянно обижать

малыша, делая ему уколы, уговаривая сначала его, потом Васю, которая утыкалась мне в колени, пряча лицо в Мане, а потом меня, что это вовсе не больно, просто немного обидно. Но постепенно Пегас становился игривым, и самым настоящим мифическим существом, потому что, благодаря его присутствию, превратились в миф Васины тапочки в виде зайцев, мои босоножки и задники на ботинках Егора. Видимо, Пегас решил разделить страсть нашей семьи к обуви.

Как и ожидалось, Пегас сильно изменил мою жизнь, начал он с дизайна прихожей, из которой исчез большой заяц, зато появилась обувница, которая была прибита к стене так высоко, что даже подросший пони не мог добраться до обуви. Так же он приучил к порядку Маню, который теперь не разбрасывал своих кукол, а убирал их в ящик для игрушек. Самым удивительным образом дома воцарился порядок и благоденствие, ведь картина из мелко порванных обоев не может вызвать никакую другую эмоцию, кроме радости. Эти кусочки можно было собрать и попытаться соединить в единое полотно — и эта головоломка лучше любого развивающего пазла. Впрочем, такие же эмоции вызывали лужи в прихожей, разорванная подушка, кто бы мог подумать, что перья так прекрасно гармонируют с окружающей обстановкой, и съеденная, с особым аппетитом, книга Васи.

Но это были первые самые первые чудеса Пегаса, самое большое чудо мой личный Пегас подарил мне позже.

Поздравляю всех читателей с Новым Годом!

Желаю вам любви — много, разной, искренней и всегда взаимной. Желаю исполнения желаний и самого настоящего чуда. Пусть сбудутся ваши мечты.

Продолжение я выложу после Нового года, пока меня, как и обычную барышню нашей необъятной ждёт ёлка, тазик салата, новогодние дети и суета:)

Если Вам нравится эта история, поставьте лайк или сделайте репост. Нам с Васями и Пегасом будет приятно.

С тех пор, как у меня появился свой личный Пегас, хотя он и не был пони, но мне всё равно приходилось его причёсывать и гулять с ним, наша жизнь изменилась.

Я шла свои семь остановок от метро и вспоминала все волшебные изменения и преобразования, к которым имеет отношение Пегас.

Существенным изменением было то, что шла я семь остановок, а не пять, как это было раньше. И не одна, а в компании собственного мифического существа. Было тепло, даже жарко, и нам, мне и Пегасу, захотелось прогуляться подольше.

Оказалось, что мифические существа очень любят долгие прогулки, и у них всегда находятся силы и желание пробежаться до метро и обратно, по пути отбегая по своим мифическим надобностям.

Такое с Пегасом случается постоянно, у него масса надобностей и дел. Автобусные остановки, скамейки, тоненькие деревца вдоль дороги и самые большие лужи — всё это, как оказалось, представляло интерес для волшебных существ. Интерес, который не проходит никогда, вне зависимости от времени года и суток.

Так, через несколько дней после нового года, когда должен искриться снег и всё напоминать о сказочном волшебстве, шёл дождь, и под ногами была каша из уличной грязи. Егор был на работе, Вася с Маней у Насти, а мы с Пегасом отправились по его мифологическим надобностям. Пегас был занят изучением волшебной лужи, а я своими мыслями.

Когда я была маленькая, часто слышала: «Вот выйдешь замуж — тогда узнаешь», и я часто думала над тем, что же я узнаю, когда выйду замуж. О том же я думала, уже будучи женой продавца. Ведь никаких особенных знаний я так и не приобрела.

Мне нравилось быть женой продавца, нравились его серые глаза и то, как он готовит. Нравилось, что в нашем холодильнике всегда было много еды, и мне не нужно было нести пять остановок тяжёлые пакеты с этой едой. Нравилось, что в выходной я могу спать до обеда, а будят меня всегда поцелуями. И засыпала я тоже под поцелуи своего сероглазого продавца. И ещё Пегаса. И Васи. И даже Мани.

А ещё говорили: «Вот будут у тебя дети — тогда узнаешь». Теперь у меня была Вася. Конечно, формально, она не была моим ребёнком, и я, конечно же, узнала много о детях и, главное, о Василисе и даже Мане, но всё же, наверняка, я должна была узнать ещё что-то. Важное. И многозначительное.

Мой ручной Пегас тоже пребывал в поисках чего-то важного и многозначительного, ведь только этот факт может объяснить, почему он залез в грязь и сидел там, довольно почёсывая себя за ухом.

— Пегас, — позвала я.

Пегас покосился на меня и сделал вид, что он не слышит. Он всегда так делает, так же делает Вася и иногда Маня.

— Пегасик, — позвала ещё раз. Он махнул хвостом и посмотрел в мою сторону.

— Вылезай, и пойдём домой, — я погрозила ему пальцем, но мифические существа не очень-то слушаются. Так что я зашла прямо в центр грязной лужи и вытащила Пегаса. Надела на него поводок и мы пошли домой. Вернее, я пошла, а он побежал, как всегда.

Стоя перед дверью двухкомнатной квартиры по цене однокомнатной, я посмотрела на себя и на своего ручного Пегаса. Мне стало жаль Пегаса. Себя. И особенно чистоту и прихожей и кухне, где уже были переклеены обои и куплена новая обувница.

— Проходи, — я широким жестом, как и полагается радушной хозяйке, пригласила своего Пегаса в квартиру-гардеробную и смотрела, как Пегас оставляет грязные следы в том месте, в котором предполагается прихожая.

Быстро подхватив своего волшебного мини-пони, я закрыла его в ванной и быстренько разделась. До белой футболки, ведь не станешь отмывать от грязи мифическое существо, стоя прямо в шубе.

Пегас стоял почти послушно, когда я мылила ему спину, мягонький животик и шейку. Он разрешил помыть себе лапы и послушно поднимал каждую по очереди, потом позволил вымыть себе мордочку. И снова стал белым. С особой тщательностью я помыла ему места, где должны вот-вот вырасти крылья. А потом Пегасу надоело, ведь он был ещё маленьким, а у маленьких детей, как я уже знала, не самое лучшее терпение. И он начал вертеться, прыгать, пытаться меня поцеловать, что было приятно. И вырывать из моих рук лейку душа, что уже не было приятно.

В итоге я стояла в луже воды. Облитая с ног до головы этой же водой, а рядом носился Пегас и не собирался проявлять благоразумие.

— Будь благоразумным, — говорила я.

— Будь хорошим мальчиком, — повторила ещё раз. Строго.

— Пегас! — взвизгнула, и этот звук смешался со звуком звонка входной двери.

За дверью стоял мой продавец, обладатель шикарной задницы и серых глаз, что не удивило меня, он уже должен был прийти с работы. А вот то, что он позвонил — удивляло.

— Забыл ключи, — сказал Егор и как-то странно на меня посмотрел, — тут вода, — и посмотрел под ноги. На воду, которая бежала из ванной.

— Ага, — сказала я и посмотрела на Егора.

А потом на себя.

Конечно, я не была похожа на Айседору Дункан, и это мой продавец знал, но выглядела я прилично. Без мусорного пакета на голове и даже в футболке, я имею в виду, что она была настолько приличная, что прикрывала мою пятую точку.

Футболка была облита водой и прилипла к телу. Я провела пару раз по ней руками и побежала выключать в воду. Егор подхватил Пегаса и поставил под воду ещё раз, чтобы смыть с него мыло.

Всё это время он молчал. Егор. Пегас не молчал, он лаял, поскуливал и пытался вырваться. У него ничего не получилось. В итоге его даже вытерли полотенцем и отправили в комнату со словами: «Веди себя хорошо».

Потом мой продавец посмотрел на меня ещё раз. И ещё разок. И сказал:

— Вася, у нас есть тридцать минут.

Я моргнула.

— Василина, двадцать девять, — видимо, я очень долго моргала.

— Васенька, — горячие руки прошлись по моей влажной футболке. Остановились у груди. Потом там же оказались губы. А потом губы уже были у моей шеи, и я была рада подставлять её под поцелуи. Как и ключицы, уши, губы, снова шею, грудь, уже без футболки, живот и то, что ниже живота.

Егор поставил меня в душ, и я подумала, что не вешу почти ничего, потому что никаких

усилий он не прикладывал. Потом встал рядом. В одежде. Что было странно. Но я не стала удивляться этому. В конце концов — он мой муж, и может находиться со мной в душе в любом виде. Под струями воды одежда снималась плохо. Мне было смешно, а потом жарко, а потом я уже не могла думать, а только держаться за шею или плечи Егора и целовывать с его губ тёплую воду. Когда я открыла глаза и кашлянула, потому что иногда я бываю громкой, а под струями воды это оказалось не очень удобно, Егор уже, тяжело дыша, сидел на дне ванной и придерживал меня на себе. Вокруг плескалась вода и убегала куда-то, кружась у слива.

— Вася, я люблю тебя, — это сказал продавец, и я согласилась с ним и подтвердила, что тоже люблю его.

— Ты чуть с ума меня не свела своим видом, — Егор широко улыбнулся, и я почувствовала себя королевой красоты.

Знаете, приятно ощущать себя королевой красоты и Айседорой Дункан в одном лице, несмотря на то, что сидишь не в самой изящной позе, обхватив ногами продавца, и по твоему лицу наверняка размазана косметика. А Егор всегда смотрел на меня так.

— Я скучал, — добавил Егор и поцеловал меня ещё раз. И ещё. А потом ещё немножко. И не только поцеловал. А потом тридцать минут закончились. И мы быстро одевались в сухое, ведь многие вещи хранились в нашей гардеробной квартире, и поспешили в свою двухкомнатную по цене однокомнатной.

— Я не использовал презервативы, — сказал ночью Егор, и я кивнула и задумалась.

Существует масса способов избежать беременности, но так только кажется. В итоге тебе не подходит то одно средство, то другое, а третье ты постоянно забываешь. Так я забывала принимать таблетки. Через несколько месяцев приёма, когда я в очередной раз забыла принять таблетку, Егор задумчиво посмотрел на упаковку и выбросил её в мусорное ведро.

— Это защита от беременности, — напомнила я.

— Я знаю, — спокойно ответил продавец. Он очень осведомлён.

— Дети — это ответственность, — заявила я, и украсила стопку блинчиков смешной мордочкой из сгущёнки. Как нравилось Васе. И Мане.

— Ты хотя бы представляешь, сколько сил и времени занимает ребёнок? — продолжила я, собирая рюкзачок с Васиными принадлежностями для танцев, пока Егор доглаживал бельё — была его очередь. Мы поделили обязанности поровну, ведь я работающая и занятая женщина.

— Подумать только, ребёнок, это же... — я не нашла слов, молча собирая Васиные игрушки на полку и расставляя там книги. — Сегодня же танцы на полчаса переносят, — напомнила я. И Егор улыбнулся.

— И надо купить чешки, — ещё напомнила. И снова Егор улыбнулся.

А в дверях сказал.

— Если бы ты не была готова к детям, ты бы не забывала пить таблетки, — и ушёл за Васей, чтобы отвести её на танцы. Василиса очень красивая девочка и красиво танцует.

Я немного подумала и решила, что Егор, конечно, прав. Но на презервативах всё-таки настояла, на всякий случай. Егор со мной не спорил.

В тот день, когда мы отмывали своё мифическое существо, мы забыли о средствах контрацепции, и теперь я шла уже не пять, а семь остановок от метро. Ведь Пегас творит чудеса.

Через пару месяцев Егор задумчиво смотрел в экран ноутбука и с любовью — на меня. И ещё через пару мы переехали в большую трёхкомнатную квартиру с видом на прекрасные котлованы и краешек леса.

И теперь Егор и Настя открывали уже четвёртый магазин в этом районе, один из которых, был в нашем новом доме.

А сейчас я медленно шла домой, поглядывая на Пегаса и на своё приобретение. Пока Пегас не подвёл меня к новеньким дверям с указанием часов работы «24 часа» и скидок на товары народного потребления.

Как можно элегантней я прошла в дверь, немного посторонившись и дав проход Пегасу, а потом смотрела на продавца, который расставлял банки с зелёным горошком и что-то говорил новой продавщице. Что совсем мне не нравилось! Нет, я не имела ничего против зелёного горошка, иногда я даже покупала его, вернее, мой личный продавец приносил его, а вот продавщица мне не нравилась. Сильно!

Я понимала её, ведь невозможно спокойно смотреть на обладателя бархатного голоса, серых глаз и аппетитной задницы. Но это мой бархатный голос. Мои серые глаза и аппетитная задница. И обладатель — тоже мой!

— Егор, — как можно спокойней сказала я.

— Привет, — ответил продавец с улыбкой и обошёл продавщицу так, словно она была частью стеллажа. — Садись, — он протянул мне стул, и я села, — гуляла?

— Да, — ответила я. Я честная женщина и всегда говорю правду.

— Куда ходили? — он погладил у уха Пегаса, присев на корточки.

— К метро, — ответила я.

— Василина, — Егор посмотрел на меня так, что мне должно было стать стыдно. Во всяком случае, с Васей это всегда срабатывала. Но мне не стало.

— У меня было дело, — привела я аргумент в свою защиту. И показала то, зачем мы прошли с Пегасом эти остановки.

Два огромный белых банта на резинках.

— И которые это по счёту? — Егор внимательно разглядывал моё приобретение.

— Я не помню, — честно сказала я.

— И, кстати, чем они отличаются от предыдущих?

— Всем! — ответила я. — Я ещё не решила, какие из них лучше и подходят больше.

— Это всё решает, — продавец присел, и стал гладить меня по ногам, отчего мне стало хорошо, а Пегасу весело.

— А ты бы не мог... — уточнила я и показала глазами на банты.

— Василина? — глаза продавца расширились и становились серее.

— Так мне будет легче разобраться, — привела я свой аргумент.

— Ты же не шутишь? — продавец посмотрел на меня с подозрением.

— Нет, не шучу, — я не шутила.

— Боже, Вааааааа, — и я была согласна с ним. Продавец выглядел божественно с двумя бантами, криво сидевшим на его волосах. — Я могу это снять? — его рука потянулась к белому капрону.

— Подожди, — прошептала я. — А ты бы не мог? — я показала глазами на дверь в подсобку.

Егор прыснул и попытался снять банты, продавщица смотрела удивлённо, а единственный покупатель — тщедушная старушка с третьего этажа нашего дома, Роза

Измайловна, понимая, покачала головой и засеменила домой.

— Я серьёзно, — я готова была обидеться. И обиделась.

И Егор подал мне руку и завёл меня в подсобное помещение. И всё-таки снял с себя банты.

«Вася, это слишком!» и «Но мне нравится», и «Мне всё нравится».

Да, иногда я бывала «слишком», но мне нравилось, что и в этом случае я продолжала нравиться Егору. И нравилось его терпение. И то, как он целует мои руки и спрашивает «Ты уверена?» и «Может, всё-таки дождёмся вечера, неудобно», и, наконец, «Ты беременная», и то, что он всё-таки находит место, где это удобно. А потом ещё немного сомневается, но я его уверяю, что всё отлично, и напоминаю, что беременным нельзя отказывать, и вообще, мне рожать не завтра.

И я ошиблась. Рожать мне было завтра. Я читала, что занятия любовью способствуют родам, но не верила. Однако, они поспособствовали. Какой именно раз — сказать было сложно. Тот, что в подсобке, или тот, что был дома, или до этого, утром...

Это было утро первого сентября. И наша Василиса собиралась в первый класс. Это очень волнительно. Всё было волнительно. И выбор формы, и портфеля, и бантов, которых оказалось так много, что хватит ещё на пять девочек, и то, как Вася крутилась перед зеркалом, нарядная и с букетом.

— Василина? — спросил Егор и посмотрел на меня с тревогой. Я поморщилась.

— Вася? — Он ещё больше поморщился, и я улыбнулась.

— Идите, — сказала я.

— А ты? — уточнила Вася.

— Я чуть-чуть позже подойду, хорошо, детка? — Я бы присела, чтобы быть на уровне глаз с Васей, но велика вероятность, что я не смогу встать.

— Я звоню Насте, — Егор глянул на меня и пошёл на кухню с телефоном.

— Перестать, — на самом деле очень сложно догнать длинноногого продавца, когда ты передвигаешься по дому как утка, и габаритами напоминаешь медведя.

— Перестань, — я повторила. — Я не знаю детей, который помнили своё рождение, а первое сентября помнят все. К тому же, я не собираюсь рожать прямо сейчас, ты успеешь, — заверила я Егора и вскрикнула.

В итоге Егор не успел...

Он зашёл в палату на цыпочках и молча смотрел на меня, пока я лежала на кровати, а рядом лежал наш новорожденный сын. Он был самым красивым мальчиком на свете, я не сомневалась в этом ни минуточки. И он. И Егор.

Продавец сглотнул и сделал робкий шаг в сторону кровати, потом ещё один, потом быстро отошёл и вернулся, уже помыв руки.

— Как ты, детка? — спросил он и погладил меня по лицу, я потянулась за тёплой рукой.

— Немножечко устала, — улыбнулась я. — Смотри, — я показала на малыша, но Егор уже смотрел во все глаза, и мне только показалось, что в глазах его мелькнули слёзы.

Он аккуратно взял сына на руки, и я внимательно смотрела, как ловко это получилось у Егора. Потом я разглядывала маленький носик и лобик, и то, как смешно наш сын морщил нос и губки. И не могла поверить, что это мой сыночек, мой муж, и что прямо сейчас в палату вошла Настя с Васей. Васю сначала не хотели пускать, но, как оказалось, в платные палаты был проход всем, и в итоге, Василису с огромными белыми бантами пропустили и даже поздравили с праздником.

Вася смотрела на меня. Смотрела на братика. Потом снова на меня. А потом она заплакала и стала меня обнимать. Она обнимала меня. Я обнимала её.

— Тебе же не было больно, мамочка? — уточнила Вася.

— Чуть-чуть, — прошептала я и посмотрела на Егора, который всё ещё держал нашего сына, и это помешало ему вытереть щёку от слезинки, которая стекла.

Это не очень-то по-мужски. Поэтому слезинка была одна.

Мне же никто не мешал заплакать, ведь сегодня у меня не только появился сынок, но и дочка, которая впервые назвала меня мамой. И я всё ещё была блондинка. Блондинки всегда сентиментальны. И я родила несколько часов назад. И в моём организме происходили изменения, которые тоже вызывали слёзы.

— Как вы его назовёте? — спросила Настя, глядя на маленькое личико.

Говорят, когда ребёнок рождается, он сразу подсказывает родителям имя, но наш мальчик молчал. Он много молчал и почти всё время спал.

Я посмотрела на Егора, который держал на руках своего сына, на Василину, которая сидела слева от Егора, и на себя — я сидела справа.

И поняла, что сегодня исполнилось не только моё желание, но и Егора тоже.

И ещё я поняла, что Настя тоже заслуживает того, чтобы её желание исполнилось. Она часто бывала задумчивой, с кем-то разговаривала или переписывалась и редко рассказывала, где бывает. И всё чаще грустила.

Я усадила Настю на кровать для сопровождающего — такая была в моей платной палате. Усадила рядом Василису с одной стороны и сама села с другой. Рядом с Васей сел Егор, смотря на меня в удивлении, а я положила малыша рядом с собой и сказала.

— Егор, нашего сына будут звать Егор. И теперь твои желания сбудутся. Тебя окружают две Васи и два Егора, — я улыбнулась, а Настя заплакала.

Потом Егор попросил Настю увести Васю, и мы побыли немного вдвоём, а потом Егор-младший захотел кушать, а я спать. Так что после кормления я уснула, а Егор остался со мной в палате.

Через несколько дней нас с Егором-младшим выписали.

А ещё через год сбылась мечта Насти.

Правда, для этого мне пришлось всё-таки позвонить Сергею и рассказать ему, куда поехала Настя, потому что он оборвал мой телефон и здорово злился.

Егор, который был в это время с Настей, не злился, а только улыбнулся по приезду на мой аргумент, что «Сергей должен знать», и сказал, что, кажется, всё получилось.

Через время Настя уехала к Сергею на Север, и мы встретились с ней на их свадьбе, там же была Машка, которая была такой же смешной и с такими же толстыми коленками.

А потом мы узнали, что волшебство примет и мифических существ работает. У Насти с Серёжей родилась дочка!

И хотя многие считают, что это от того, что Егору удалось накопить на высокотехнологичное лечение бесплодия в Германии, и он поехал туда с Настей, ведь она никак не хотела призываться Сергею в своей проблеме, и поэтому он никак не мог составить ей компанию.

Но я уверена. Всему причина — мой волшебный Пегас.

Именно он наколдовал мне младшего Егора, облив меня с ног до головы водой, и мой продавец был так впечатлён эффектом, что забыл про презервативы.

И примета про двух людей с одинаковыми именами, которая исполняет заветные

мечты.

Ведь Настину исполнила.

И мою. Но Егор об этом ещё не знает... или знает, потому что сегодня я нашла в холодильнике два граната с запиской «тебе это нужно».

Больше книг на сайте - Knigolub.net